

КОСТЁР

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ 1941

№7

**СМЕРТЬ
ВРАГУ!**

1361/47

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

От суровых берегов Баренцова моря до лазурного Черного моря, вдоль всей западной границы нашей родины идет жестокая, упорная война. Эту войну нам навязали немецкие фашисты — самые злейшие враги человечества. Они вероломно, так, как это делали уже не раз с другими странами, нарушили свое обязательство и внезапно напали на нас. Напали, как бандиты с большой дороги, темной ночью, с ножом за пазухой.

Фашисты думали, что они застигнут нас врасплох, что мы растеряемся. Они думали молниеносным ударом сломить нашу Красную армию, наш Красный флот и занять Москву, Ленинград, Киев. Все сроки, которые хвастливые немецкие генералы сами поставили перед собой, прошли. А победы все нет. И не будет ее!

Не впервые пытается враг покорить нашу землю. Не в первый раз поднимается наш народ, чтобы на полях битвы уничтожить и развеять в прах полчища немецких захватчиков. Многовековая история нашей родины повествует об этом особенно ярко. Об этом же рассказывают сегодня в „Костре“ полковник М. Люшковский и писатель Л. Успенский.

Полный разгром и позорная гибель ждали всех, кто осмеливался поднять меч против великого нашего народа, против его чести и свободы. Так было в 1242 году на льду Чудского озера. Так в 1759 году обрел конец своей военной славы великий прусский полководец король Фридрих II. Так в 1812 году вдребезги была разбита действительно первоклассная армия Наполеона.

Много лет спустя немецкие захватчики снова испытали силу русского оружия. В 1914 году они были разгромлены в великой Галицийской битве под Гумбиненом, Орлау, у местечка Ваплиц, под Ивангородом, Варшавой, Лодзью, Тарновкой; в 1915 году — под Праснышем, Осовцом, Свенцями; в 1916 году — на огромном фронте от Пинска до румынской границы.

В 1918 году немецкие оккупанты были разбиты под Нарвой, Псковом и на Украине. День 23 февраля 1918 года — день разгрома немцев под Псковом — стал ежегодным праздником Красной армии.

То же будет и с зарвавшимся Гитлером!

На Великую Отечественную войну с злейшим и коварным врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией, поднялся весь

наш могучий двухсотмиллионный советский народ.

Мы знаем, что война с германскими фашистами несет нам трудности, лишения и опасности. Но этим нас не запугать!

Вышли два мира неравных на бой —
Мир одряхлевший и мир молодой, —
Выползок серой фашистской змеи
И молодые орлята мои.

В песне народ неспроста говорит:
— Гад будет давлен, орел воспарит!
Сталин — орел, наши стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.

Джембул.

Мы знаем: победа будет за нами!

Но, чтобы завоевать победу, мы, как никогда раньше, должны сейчас много и упорно трудиться. Много и упорно трудиться должны не только взрослые, оставшиеся в тылу, на фабриках и заводах, в рудниках и на полях, но и миллионы советских пионеров и школьников.

В этом номере „Костра“ мы рассказываем, какую великую помощь матери-родине могут оказать ребята, работая на полях, на огородах, в садах, по противовоздушной обороне своего дома, улицы, города, села. Но это лишь только часть того большого дела, которое может сделать каждый пионер и каждая пионерка.

Помните, ребята: в суровые дни Великой Отечественной войны мы должны быть особенно бдительны, дисциплинированы, выдержаны. Не поддавайтесь панике, помогайте всюду поддерживать строгий порядок и дисциплину. Зорко охраняйте народное добро: линии связи, железные и шоссейные дороги, колхозные амбары, богатый урожай на полях. Помогайте семьям ушедших на фронт, присматривайте за малышами.

Многие ребята стремятся на фронт. Это — понятное и законное стремление. Но ведь каждый из нас должен быть там, где он будет больше всего полезен. А хорошо обеспеченный тыл — лучшая помощь фронту! Поэтому ни на минуту не забывайте, что ваши пули — честный и самоотверженный труд в тылу!

Сплотимся же теснее вокруг нашей большевистской партии, вокруг нашего советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина! Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!

□ 29
41

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ
№ 7 / И Ю Л Ь 1 9 4 1

СТАЛИН С НАМИ — И ПОБЕДА С НАМИ!

п 29
41

РАДУЛЕ СТИЙЕНСКИЙ

Грозовая двинулась громада
На ворота солнечного сада,
Разлетелась молния косая,
Гром рванулся, небо потрясая.
Захотелось туче дерзновенной
Заневолить сад наш несравненный,
Где народы в золотые годы
Вырастили яблоню свободы.

То не тучи грозовой громада
Заклубилась у ограды сада,
То войною двинулись фашисты,
Затрубили черные горнисты,
Кашлянули кованые груди
Свастикою меченых орудий.

Тут навстречу грозовому вою
Вылетает ято¹ боевое,
И крылами бьют врага с размаха
Соколы, не знающие страха.

Нынче снова Дундичу не спится,
Вылетает Дундич, словно птица,
И, отвагой прежней окрыленный,
Щорс на битву двинет батальоны,
А Чапаев мчится рядом с ними,
Называя дорогое имя.

И бойцы идут за ними следом
К славным боевым победам, —
Говорит отчизна их устами:
Сталин с нами — и победа
с нами!

¹ Ято — птичья стая, боевой отряд.

НА ЛЬДУ ЧУДСКОГО ОЗЕРА

Полковник М. ЛЮШКОВСКИЙ

Шел 1242 год, второй год ожесточенной борьбы с немецкими псами-рыцарями. Немцы жгли, грабили, убивали, уводили в плен и там продавали русских мужчин, женщин и детей. Им помогали шведские рыцари. Они напали на нашу землю со стороны Финляндии.

Немецкое войско шло на север, по берегу Псковского озера. Отдельными отрядами ехали на конях, покрытых броней до колен, рыцари.

На длинных, тяжелых пиках развевались флажки с черным крестом. У поясов висели прямые мечи и топоры. На левой руке у рыцарей были треугольные продолговатые щиты с крестами.

Они ехали молча. Тишину нарушал лишь звон железных доспехов рыцарей. Не было видно ни одного лица. На месте голов — железные коробки, из которых клубами вырывался пар от дыхания всадников.

Между конными отрядами шли пехотинцы. Это были приземистые люди, темная одежда плотно облегла их тело. Сбоку на поясе у них висели короткие мечи и, как у рыцарей, щиты с крестами. В конце колонны двигался обоз. Впереди и по бокам немецкого войска группы по три-пять всадников. Они охраняли колонну¹.

Внезапно впереди, на повороте дороги, послышался крик. Через несколько минут к командиру подскакали два рыцаря. За одним из них бежал, держась руками за веревку, накиннутую на шею, бородатый человек без шапки и в лаптях.

Когда рыцари остановились, бородатый вскочил вдруг на круп лошади рыцаря, который вел его, и, выхватив из-за пазухи нож, ударил рыцаря в шею. Встретив железо, нож сломался. Второй рыцарь в этот

момент ударил человека топором, и он рухнул на землю.

— Проклятая русская собака! — вскричал командир. — Он был один?

— Второй скрылся в лесу, — ответил рыцарь. Это, наверно, местные мужики...

Колонна опять поползла вперед, громыхая железом.

В это время по дороге, ведущей от Пскова к Изборску, шли рати русских. Впереди на коне ехал молодой всадник в княжеском уборе. Это был Александр Ярославич, по прозвищу Невский. Он сидел на коне так ловко, как будто бы на нем были не тяжелая кольчуга и латы, а обычная русская рубаха и шаровары. За ним везли большой развевавшийся по ветру стяг-знамя с иконой Спаса. Еще дальше в строгом порядке двигалась конная дружина. Конники были и безусые юноши, первый раз шедшие в поход, и суровые, бородатые воины, не раз уже бившие врага на рубежах родной земли.

За дружиной Александра Невского шли пешие и конные полки новгородцев, псковичей, суздальцев. Новгородцы были как на подбор дюжие люди. На головах у них блестели остроконечные шлемы. Лица были открыты, но шею, уши, горло и затылок прикрывала металлическая сетка, сплетенная из железных колец. Кольчуги были туго подпоясаны ремнем. На ремне висел меч. На левой руке был красный щит. Все воины имели копьа, а у многих на перевязях через плечо были подвешены широкие топоры на длинных рукоятках. Копья имели у основания острые крюки. Эти крюки новгородские кузнецы придумали для боя с рыцарями.

Конные воины были вооружены так же, как и пешие: все имели красные пики, а у некоторых, вместо мечей, висели кривые сабли, и, наряду с топорами, попадалось много палиц с шаром, утыканным железными остриями на концах.

¹ Армия псов-рыцарей была похожа на гигантского железного дракона, извивающегося по дороге, лягающего своими сочленениями и дышащего огнем и паром.

Загорелые крестьяне в меховых шапках, домотканых сермягах и лаптях шли с рогатинами и совнями — топорами — и обитыми гвоздями дубинами, охотники и звероловы несли луки и самострелы.

Впереди на горизонте алело зарево горевших деревень. Это псы-рыцари жгли русские селения. Лица ратников были хмуры. Руки сжимали оружие, в груди кипела злоба, особенно у псковичей. Недавно они вместе с другими русскими воинами штурмовали стены Пскова, где засели рыцари, впущенные туда изменником-воеводой Твердилой Ивановичем. Псков был взят, немцы изрублены. Но люди были озлоблены не битвой. В Пскове они увидели замученных рыцарями женщин, стариков и детей, сожженные, разграбленные дома и церкви.

Русскую рать кольцом окружали разъезды, зорко осматривавшие местность. Вдруг Александр остановился. Дорогу ему преградил всадник, сзади которого сидел крестьянин с самострелом.

Соскочив с лошади и сняв шапку, крестьянин, остановившись у стремени Александра, рассказал, что немцы движутся вдоль Чудского озера на север.

Это был хитрый маневр. Дойдя дорогой до Новгорода, немцы хотели зайти в тыл Александру. Но разведка князя раскрыла их движение, и теперь Александру не так уж трудно было разгадать план врага.

Лед на озере был еще крепок, и русские двинулись по более короткому пути — на север.

5 апреля дружины Александра были на месте. Когда на горизонте, с запада, зачернели колонны рыцарей, рать приготовилась к бою.

Александр хорошо знал тактику рыцарей. Они обычно строились тупым треугольником, обращенным острием к противнику. Впереди, по краям и позади были конные рыцари, в середине — пехота. Этот строй немцев русские называли «железной свиньей».

Известно, что свинья роет землю своим тупым носом — пяточком. Подражая свинье, немцы пяточком разрывали боевой строй противника, с которым им приходилось сражаться.

Но что будет, если «железную свинью» ухватить за пяточок железными клещами? Свинья не сможет двинуться с места; она потеряет подвижность, а с нею и силу удара.

Так Александр и сделал. Он построил свое войско клещами. Он решил разгромить и уничтожить врага.

Русские лучники вытянулись длинной линией. За ними, несколько сзади, стали пехотные полки, а по бокам, наискось к пехоте, — конница. Позади пехоты, за скалой Вороний Камень, притаился сам князь со своей дружиной.

Завидев русских, рыцари стали перестраиваться клином. Загнусили немецкие трубы, и медленным шагом тронулась вперед «железная свинья». Плотно сдвинувшись, колено к колену, ехали конные рыцари. В середине конного строя плечом к плечу шли пехотинцы. Над клином реяли разноцветные значки с рыцарскими эмблемами, подобно лесу торчали пики, а в центре клина развевалось тяжелое орденское знамя.

С каждым шагом рыцари все яснее различали рус-

ских. Отставив назад правую ногу, держа в левой руке лук, стояли русские лучники. Воины с самострелами, крепко втиснув в плечо приклады, наложили указательный палец на спуск. . .

Расстояние между русскими и немцами становилось все короче. Теперь уже могла долететь и стрела.

Покрывая звон и топот рыцарского войска, завыл рог. Рыцари, пригнувшись, опустили копья и выставив щиты, поскакали галопом. Побежали пехотинцы. «Железная свинья» катилась вперед, как огромный каток. Не было, казалось, силы, которая могла бы остановить ее.

В этот момент запели русские трубы. В грохот железа врезался свист. Тысячи стрел понеслись навстречу врагу. Они вшивались в отверстия шлемов и лошадиных наголовников, они скользили по латам, застревали в щитах. Лошади вздымались на дыбы, падали, подминая под себя всадников. Но «свинья» продолжала быстро двигаться вперед. Еще минута, и лучники были бы смяты. Но линия лучников вдруг разорвалась, и в разрыве показалась русская пехота с выставленными вперед красными щитами. Перед щитами торчала щетина копий. Задний конец копья упирался в подошву правой ноги. Руки крепко сжимали древко.

«Железная свинья» ударила о стальную стену. А вслед за этим раздался ужасный вопль. Это немецкое войско стремилось неистовым криком испугать русских.

Но стена остановила натиск. Грохот и рев тысяч людей стоял над полем битвы. Копья трещали и ломались под ударами мечей и топоров, с шлемов и щитов сыпались искры. Новгородцы успешно применяли свое изобретение: крючками своих копий они зацепляли рыцарей, стаскивали их с коней, добывая упавших на землю. С особенной яростью дрались псковичи. Многие из них были уже без шлемов, без щитов, но продолжали биться. Раненные, они подползали к сражающимся немецким пехотинцам, валили на землю и душили. . .

«Бысть ту сеча зла и велика немцам. . . Труск от копий ломления и звук от мечного сечения. . . и не бе видети леду, покрыло бо есть все кровию», писал летописец о битве.

Вдруг, когда стена красных щитов стала медленно выгибаться назад, с обеих сторон зазвенели трубы. Две конные линии русских лавиной помчались на врага. Стена красных копий теперь опоясывала немцев с боков. Удар был жестокий. Целые ряды псов-рыцарей свалились, пронзенные пиками. Немцы были окружены с трех сторон. «Железная свинья» оказалась схваченной стальными клещами.

Александр наблюдал за боем с Вороньего Камня, за которым была скрыта конная дружина. Поле битвы лежало перед ним как на ладони. Отсюда было видно, что немцы бьются отчаянно. Сотни и тысячи трупов валялись уже на льду, покрытом расползающимися лужами крови. Но задние шеренги рыцарей, сомкнувшись, опять стали двигаться вперед, подталкивая передние шеренги. Наступал решительный момент.

Сойдя с Камня, Александр вскочил на коня, поправил шлем и выхватил из ножен меч. Зашевелились ряды его отборной дружины и по знаку Александра, данному мечом, двинулись влево от Вороньего Камня. Александр прищорил коня; конь вздрогнул и поскакал крупной рысью, все убыстряя свой бег. То же сделала и дружина.

По новому знаку Александра дружина на скаку развернулась вправо и влево от княжеского стяга. Перед ней на расстоянии полета стрелы был виден тыл немцев.

Вдруг на мгновение могучий голос Александра покрыл шум битвы:

— Бей их, псов! — закричал он и, не оглядываясь назад, с высоко поднятым мечом бросился вперед. Вихрем неслись за ним дружинники.

Немцы были окружены. Со всех сторон неумолимые красные щиты и копья теснили псов-рыцарей к центру. В страхе металась их пехота и конница в разные стороны. Но всюду русские настигали их:

— Бей их, псов! .. Бей! .. Бей! ..

Александр был уже в центре «свиньи». Его меч, как молния, обрушивался на рыцарей. Следуя по пятам за Александром, крушили топорами рыцарские шлемы Гаврило Олексич и Яков Полочанин. Широкая улица расколола «железную свинью» пополам. Куда ни обращали свой взор псы-рыцари, везде виднелись гневные лица русских воинов, их могучие мечи и топоры, длинные копья, дубины.

— Бей их, псов! — продолжал кричать Александр.

— Бей их, псов! — кричали пешие и конные русские воины.

Казалось — и от Вороньего Камня исходил этот клич, и лед, и воздух, и берега озера — вся русская земля кричала:

— Бей их, псов!

И псы-рыцари дрогнули, побежали. Они бежали, обезумев, бросая оружие, шлемы, мантии, щиты. Они падали на колени, трясущимися руками хватали русских и молили о пощаде.

«И сечахуть я гонящи акы по аеру (ветру); и не бе им камо утещи, и биша их на семи верстах по льду до Суболичьского берега...», рассказывал впоследствии старей монах.

Гонимые русскими псы-рыцари добежали до крутого обрывистого Суболичьского берега и карабкались наверх. Сзади прибывали все новые и новые толпы. Лед не выдержал массы людей и металла. В невероятном шуме сначала послышалось потрескивание, затем с грохотом и гулом лед разломился под ногами рыцарей, и они рухнули в воду. Тщетно хватались рыцари за края льда: тяжелое вооружение тянуло их вниз.

Некоторым все же удалось выбраться на лед, они разбегались в разные стороны, но русские больше их уже не преследовали.

Молча смотрело русское войско на гибель врага.

Похоронив своих убитых и подобрав раненых, русская рать с песнями двинулась к Новгороду. Всюду ее встречал ликующий народ.

Новгород встретил витязей звоном колоколов, а гордые псы-рыцари шли пешком, без головных уборов, привязанные к седлам конных дружинников Александра.

Летом того же года немцы прислали послов просить мира.

Так кончилась первая попытка псов-рыцарей захватить нашу землю и поработить русский народ.

РАЗГРОМ ФРИДРИХА II

Клубами подымался туман с болотистой равнины за горой Большой Шпиц. Когда чуть забрезжил рассвет, к палатке адъютанта русского командующего, генерала Салтыкова, подскакал казачий урядник. Легко спрыгнув с коня и отдав поводья, урядник подошел к палатке. Навстречу ему вышел молодой офицер.

— Идут немцы. Сам король с ними. Ихние гусары впереди, за ними пехота, батальона три-четыре, а сзади валом валит. И пешие, и конные... Я так полагаю, что тыщ пятьдесят-шестьдесят будет... Пушек везут много... Народ все бравый, высокий...

Офицер повел урядника к палатке Салтыкова. Через несколько минут урядник вышел обратно и, вскочив в седло, пригнувшись, поскакал к Мюльбергу...

Под дробь барабанов, без суеты построились русские полки.

Вдруг раздался орудийный выстрел, за ним другой, третий... Ударили и русские орудия.

С Мюльберга, где стоял недавно сформированный корпус Голицына, было видно, как пруссаки, подгоняя лошадей, втаскивали на покрытые зеленью высоты тяжелые пушки. Слева от пушек появилась пехота. Каждый взвод шел на одинаковом расстоянии от другого. По командам офицеров взводы разом начинали заходить левым плечом. Солдаты, шедшие на правых флангах, останавливались, в то время как остальные, повернув головы вправо, подавались вперед, не отрываясь друг от друга, как будто они были связаны одной веревочкой.

Когда все прусские батальоны построились лицом к Мюльбергу, сплошная линия их медленно двинулась вперед. За первой линией, шагах в двухстах, шла вторая. Впереди ехали конные офицеры, за ними шли

пехотинцы. По бокам и сзади немецкого строя торчали офицерские эспантоны — длинные пики с широким лезвием — и унтер-офицерские алебарды — тоже пики, но с топориком на конце древка.

За немецким солдатом смотрели сотни глаз. Солдат стоил дорого. Его нужно было одевать и кормить. Ему платили жалованье. . . Но солдаты вовсе не желали умирать и, если бы не палки начальников, они и воевать бы не стали.

Влево от пехоты таким же порядком шла прусская конница.

Чем ближе подходили пруссаки к Мюльбергу, тем слышнее становилась дробь их барабанов и свист флейт, под звуки которых они шли в бой.

С кем только не приходилось сражаться Фридриху — с австрийцами, с французами, с саксонцами. И всегда он оставался победителем. Вот и сегодня, стоя на одном из холмов и наблюдая, как стройно движется его войско, Фридрих весело шутил с приближенными.

Подойдя на триста шагов к русским, пруссаки открыли огонь. Раз! — и правые руки солдат закинулись за спину, доставая из сумки патроны. Два! — все поднесли руку ко рту, откусывая угол бумажного патрона. Три! — все сразу высыпали порох в дуло ружья. . . Пять! . . . — все взяли за шомпол. . . Семь! — шомполы перевернулись и ушли толстым концом в ствол. . . Десять! — Взводи курки! . . . Двенадцать! — Пали! Разом вылетели клубочки дыма из ружей, обволакивая им весь батальон.

И снова то же. Залп следует за залпом в точно отмеренные промежутки времени. Казалось, что впереди движутся не люди, а какая-то огромная машина.

Орудия русских вырывали ряд за рядом из марширующих прусских батальонов. Но разрывы фронта быстро заполнялись, и пруссаки вновь продолжали двигаться вперед.

Усатый ашеронец и молодой солдат стояли со своим полком на Большом Шпице. Против них у леса находилась немецкая батарея, ядра которой то с визгом пролетали над головой, то вбивались с глухим стуком в земляной бруствер. Молодой солдат был бледен, у него заметно дрожали подбородок.

— Не бойсь, — сказал ему усатый. — Не всякое ядро бьет. Посмотри-ка на нашего енарала, ему все непочем.

Неподалеку проезжал Салтыков. Он был в белом мундире и в шляпе с белым плюмажем, из-под которой виднелись седые волосы. Солдаты дружно и громко ответили на приветствие Салтыкова.

— Ишь какой чистенький, — негромко сказал молодой, — ровно белая курочка.

Все засмеялись. Над головами то и дело свистели ядра. Салтыков, что-то говоривший высокому курносому генералу, отмахивался от пролетающих ядер хлыстиком, как отмахиваются от назойливой мухи, жужжащей над ухом.

— Вот так курочка! — повторил молодой солдат. Потом он тихо спросил у усатого:

— А кто этот курносый, что с курочкой рядом?

— Румянцев. Боевой генерал, заботливый. Свое дело крепко знает.

Между тем, пальба слева, от Мюльберга, все усиливалась. Сквозь грохот орудий теперь доносились какие-то крики. Потом выстрелы прекратились, но крики усиливались, и, когда порыв ветра согнал дым, покрывавший горушку, стало видно, что русские в беспорядке отходят назад. Пруссаки продолжали продвигаться вперед, и скоро уже вся горушка была занята немецкими солдатами, а справа и слева от нее устанавливались новые батареи.

Полки русских, стоявшие в это время на Большом Шпице, повернулись лицом к востоку. Артиллеристы в красных мундирах выкатывали короткие широкогорлые орудия — гаубицы.

Битва закипела с новым ожесточением. Все вокруг заволокло дымом.

Через несколько минут из оврага, что находился между Мюльбергом и Большим Шпицем, показались блестящие штыки, а за ними высокие медные шапки и злобно встопорщенные прусские усы. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Русские дрались отчаянно.

Румянцев, бывший с Салтыковым на Большом Шпице, видел, что все усилия пруссаков продвинуться вперед теперь тщетны. Немцы сбились в кучу. Пруссаки линия была разорвана на отдельные куски, и каждый из них должен был самостоятельно защищаться от наседавших русских. Но этого-то пруссаки и не умели. . .

Вся прусская пехота уже была введена в бой. Теперь Фридрих бросил в атаку отборную часть своих потсдамских гвардейских гренадер. Но и это оказалось напрасным: русские продолжали теснить врага.

И вот уже к лесу у деревни Куннерсдорф, где стояла прусская конница, скачет всадник, придерживая рукой шляпу.

Подскакав к молодому генералу в кирасирской форме, он говорит запыхавшись:

— Его величество приказал вам атаковать русских на Большом Шпице.

Молодой генерал (это был знаменитый Зейдлиц), недоуменно взглянув на офицера, спросил:

— Вы ничего не перепутали, мой милый? Сегодня ведь очень жаркий день!

— Нет, ваше превосходительство, я передал точно слова короля.

— А он больше ничего не сказал?

— Его величество сказал, между прочим, что вы должны атаковать несмотря ни на что.

— Чорт! — вспыхнул Зейдлиц. — Да ведь у русских рвы и засеки. Что вы там с ума все сошли, что ли!

— Я выполнил свое поручение, а рассуждать не мое дело, — ответил адъютант.

Взбешенный Зейдлиц швырнул через плечо недокуренную трубку и, выхватив из ножен палаш, закричал:

— Строй фронт! Дирекция направо!

Трубач заиграл сигнал.

Зашевелились неподвижные до этого колонны конницы, развертываясь в линию.

По второму сигналу конница двинулась вперед, сначала шагом, потом рысью.

Топот конских копыт вот уже все ближе и ближе к линии русских. Но там все молчит. Артиллеристы, как вкопанные, стоят, держа в руках тлеющие фитили. Две первые шеренги пехоты прицелились во врага, третья и четвертая — готовы передать свои заряженные ружья первым.

По третьему сигналу прусская конница пустилась в галоп. Сорок эскадронов с поднятыми палашами неслись вперед, как вихрь. За ними шли вторая и третья линии. Положение для русских становилось очень тяжелым.

Салтыков, спокойно наблюдавший за боем, что-то сказал Румянцеву. Тот поклонился, пустил лошадь в галоп и поскакал к коннице, стоявшей между Шпицбергом и еврейским кладбищем.

Когда прусская конница приблизилась на сто пятьдесят — двести шагов, Салтыков крикнул:

— Бей тревогу!

По этой команде вдоль русской линии затрещали один за другим барабаны.

— Пали! — закричали артиллерийские офицеры.

— Пали! Пали! — прокатилось по линии фронта.

Густые клубы дыма заволкли Шпицберг. Сквозь дым мелькали языки огня, и в лица немцев дунуло что-то нестерпимо горячее.

Мгновенно завертелись пораженные лошади, кучами

Генерал-фельдмаршал граф П. А. Румянцев
Задунайский.

посыпались люди, падали выпущенные из рук палаши. Вторая линия немцев, наскочив на первую, пришла в замешательство. А с Большого Шпица продолжал сыпаться раскаленный град, как будто это был извергающий огненную массу вулкан.

Тщетно Зейдлиц пытался привести в порядок расстроенные эскадроны. Пришел и его черед. Метко пущенный русский снаряд убил под ним лошадь, и Зейдлиц, тяжело рухнув на землю, потерял сознание.

В этот момент из-за Большого Шпица показалась русская конница. Впереди скакал Румянцев. Его контратака опрокинула уцелевшие прусские эскадроны. Пруссаки в беспорядке бросились назад. Русские драгуны догоняли их, рубили, забирали в плен вместе с боевыми штандартами.

Приказав преследовать пруссаков, Румянцев вернулся к Салтыкову. Это было как раз тогда, когда Фридрих вводил в бой свои гвардейские батальоны. На Большом Шпице, со стороны Мюльберга и болотистого луга, шла ожесточенная схватка. Подоспевшие к немцам гвардейские батальоны позволили им продвигаться до середины горы. Но здесь штыки русских остановили последние усилия пруссаков.

Наступал переломный момент. Все пространство на юго-запад от Шпица было покрыто дымом, и результат атаки Зейдлица был не известен. В подзорную трубу Фридрих вдруг увидел, что из дыма появилась группа людей, которая несла кого-то из генералов. Серебряная перевязь и кисти шарфа волочились за ним по земле. Фридрих, показав рукой гусарскому офицеру в направлении группы, крикнул:

— Скорей узнайте, кто это там!

Но в тот момент, когда офицер вскочил на коня, на холм поднялся, задыхаясь от бега, тучный вахмистр без шляпы и доложил:

— Ваше величество, генерал Зейдлиц тяжело ранен. . . Атака отбита. . .

Фридрих, мгновенно обернувшись, закричал:

— Как ты смеешь, мерзавец, являться одетым не по форме! Где шляпа? . .

Вахмистр не мог даже раскрыть рот от страха. Он так и застыл на месте.

— Арестовать негодяя! — продолжал кричать Фридрих. — Подполковник Бидербее, ко мне! . . Скорее!

Командир личного конвоя Фридриха, подполковник Бидербее, склонил перед королем голову.

— Сейчас же! . . Повторить атаку на Большой Шпиц!

Бидербее повел свои два эскадрона. Фридрих наблюдал за ним в трубу. Эскадроны пошли галопом, огибая пруд у деревни. Блеснул поднятый в воздух палаш подполковника и вслед за ним три сотни палашей всадников, скачущих, как молнии.

Но русские также зорко следили за происходившим. Из-за Большого Шпица, развернувшись полумесяцем и выставив вперед пики, пригнувшись к лошадям, с гиком скакали чугуевские казаки.

Фридрих видел, как этот полумесяц охватил с обеих сторон эскадроны Бидербее, как прусские солдаты отбивались палашами от ударов казачьих пик,

как они беспомощно размахивали руками, хватаясь за пикеты, и как слетали с седел, пронзенные насквозь. А вслед за казаками уже скакали ровные линии русских драгун, конно-гренадер и австрийских гусар, еще не бывших в бою. Вся эта масса конницы двигалась, огибая Куннерсдорф, по направлению к Мюльбергу.

Взглянув в направлении Большого Шпица, где сражалась пехота, Фридрих с ужасом увидел, что его солдаты отступают. Да нет, не отступают — бегут.

На Большом Шпице решался исход сражения. Прискакавший сюда Румянцев увидел, что пруссаки не могут продвинуться дальше ни шагу. Атака конницы Зейдлица была отбита. А с горы, где находилось еврейское кладбище, уже подходили новые русские полки.

«Теперь пора», подумал Румянцев и, наклонившись к Салтыкову, сказал:

— Ваше сиятельство, я полагаю, что самое время настало на пруссаков нам ударить.

— Верно, верно, голубчик, — ответил Салтыков, — и я так думаю. . . Ступай вперед с богом, бей басурманов, а я тебе артиллерией сикурс подам.

И вот уже артиллеристы по приказу Салтыкова, повернув свои орудия к Мюльбергу, где столпились пруссаки, открыли жестокий огонь. Бомбы, пущенные из единорогов, вырывали из немецких рядов десятки солдат. В этот момент сквозь грохот канонады послышалась дробь барабанов. Это пошли русские полки. Барабанная дробь слилась с гулом двинувшихся вперед русских батальонов. В такт шагу колыхались боевые знамена. С ружьями наперевес, выставив вперед блестящие трехгранные штыки, шла могучая русская пехота. . .

Немцы в панике бежали через овраг. Русские, преследуя их по пятам, на плечах пруссаков ворвались на Мюльберг. Увлекаемый адъютантами, Фридрих бежал с поля битвы.

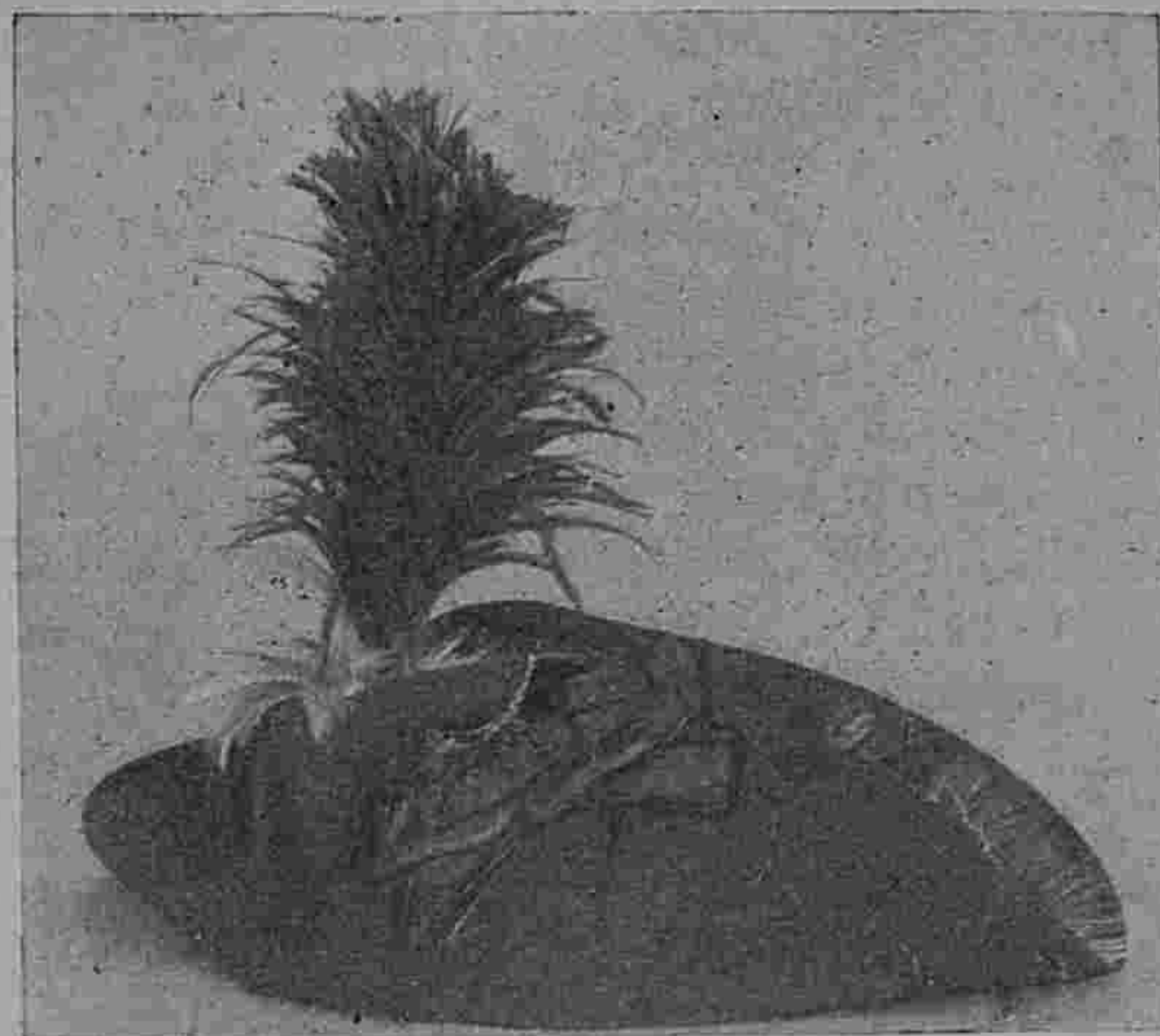
К Большому Шпицу, где стоял Салтыков, со всех сторон сходились солдаты и офицеры, ведшие пленных. Артиллеристы везли взятые у немцев пушки. Несли знамена. Наибольшее оживление вызвало появление казачьего урядника. Его сопровождали два драгунских офицера и несколько казаков. Подъехав к Салтыкову, он слез с лошади и, аккуратно развязав узелок, достал оттуда шляпу черного цвета, без всяких украшений, с кисточкой из перьев.

— Это что такое? — удивленно подняв брови, спросил Салтыков.

— Его величество король прусский Фридрихус потерять изволили, — улыбаясь, сказал казак. — Как наши Данилычи гягнули в погоне, так у короля шляпа и слетела.

— Ну и молодцы! — восхищался Салтыков. — Подай-ка мне ее.

Он взял шляпу и осмотрел ее со всех сторон.

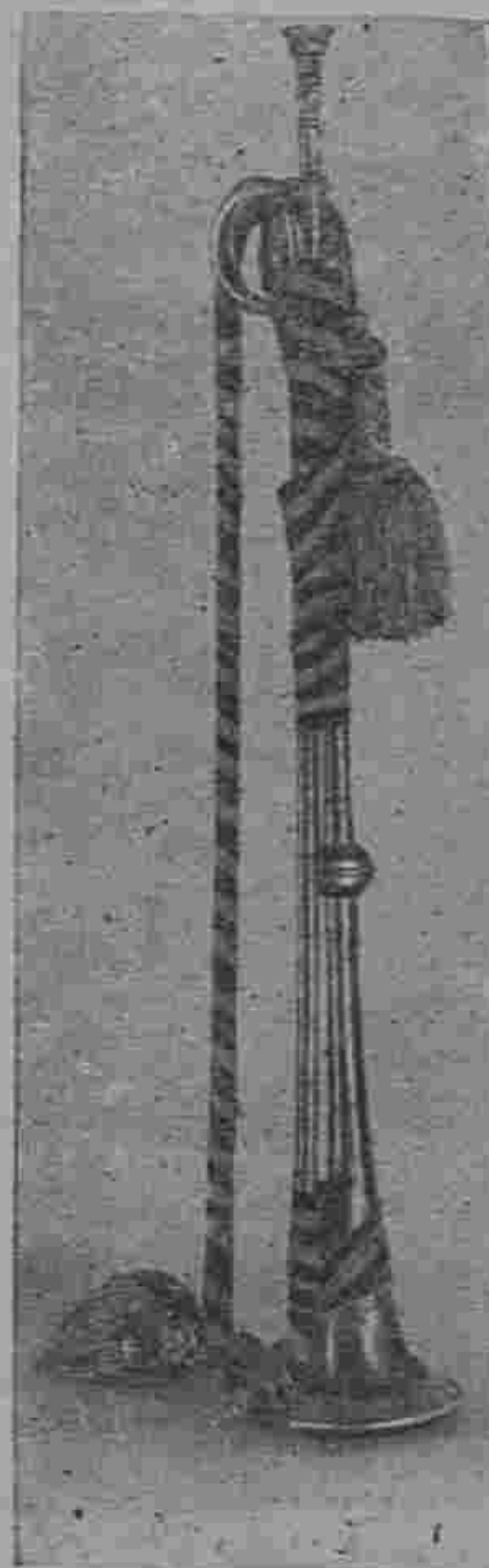
Шляпа прусского короля Фридриха II, потерянная им на поле битвы под Куннерсдорфом.

— Пошлем в Санкт-Питер-Бурх на рассмотрение. Трофей изрядный. . . А сколько прочей добычи взято?

— Пушек взято сто семьдесят две да штандартов и знамен двадцать четыре, — доложил адъютант.

— Никак нет, ваше благородие! — громко сказал усатый ашеронец, пробиваясь через толпу солдат и офицеров, окружавших командующего. — Вот двадцать кятное, ваше сиятельство, — сказал он, бросая к ногам Салтыкова знамя. — А вот и двадцать шестое.

Он взял знамя у молодого солдата и положил его перед командующим.

Серебряная наградная труба русского полка, полученная за взятие Берлина в 1/60 году.

— Каков, а? — сказал Салтыков, оборачиваясь к свите. — Подойди сюда ко мне... и ты подойди. — Он показал на молодого солдата.

Оба солдата вытянулись перед генералом.

Салтыков шагнул вперед, обнял и поцеловал сначала усача, потом молодого.

— Вот истинные герои, государи мои, солдаты честные, люди русские. Вам обязана Россия победами своими. Вы сломили силу несметную, полководца славного, короля прусского.

Салтыков поднял вверх шляпу и закричал:

— Слава войску русскому! Слава солдатам российским! Слава победе нашей! Ура!

— Ура! — загремело вокруг. Вверх полетели шляпы, засверкали поднятые ружья солдат и шпаги офицеров. Салтыкова подхватили на руки и понесли к палатке.

— Ура! Ура! Ура! — гремело со всех сторон.

А в это время в полуразрушенной хижине с Фридрихом боролся его адъютант, стараясь вырвать у него из рук коробочку с ядом.

Сидя на грубой скамье, Фридрих плакал, проклиная свою судьбу.

«Все потеряно... — писал он своему семейству. — Прощайте навсегда!»

Через год после этой битвы, 9 октября 1760 года, русские полки вступили в Берлин. Затем под Бунцельвицем они окружили Фридриха, и только случайность — смерть императрицы Елизаветы, дочери Петра Великого, — спасла Пруссию от полного исчезновения с карты Европы. Так печально кончилась для немцев и эта их война с Россией.

Перевозка прусских знамен. Рисунок на табакерке XVIII века.

В ЧАС, КОГДА ЗОВЕТ СТАЛИН

ДЖАМБУЛ

Родину Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога, —
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена,
Непобедимая наша страна.

Вышли два мира неравных на бой —
Мир одряхлевший и мир молодой, —
Выползок серой фашистской змеи
И молодые орлята мои.
В песне народ неспроста говорит:
— Гад будет давлен, орел воспарит!
Сталин — орел, наши стаи орлят
Всюду с победой за ним полетят.

— Слушайте, степи родные, меня,
Армии Красной ведите коня!
Лейся, горячий чимкентский свинец,
Смертью для черных фашистских свиней.
Лейся рекою, балхашская медь,
Чтобы снарядам советским греметь!
Каспий широкий, побольше улов
Родина ждет от твоих рыбаков!
Хлопок, и хлеб, и свои табуны
В час грозовой отдадим для страны!
Сталин зовет нас в труде и в бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стан!

Перевод Павла Кузнецова.

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

Л. УСПЕНСКИЙ

Экстренный поезд главнокомандующего Юго-Западного фронта Брусилова прибыл в Верховную ставку в Могилев рано утром. Сопровождение началось несколькими часами позднее.

В широкие окна большого белого здания, переполненного офицерами, трепетавшего, как улей, било предполуденное апрельское солнце. Стрекотали машинки. У подъезда дежурили конные вестовые и мотоциклисты. Из аппаратной доносились гудосопенье телефонных зуммеров, гуденье и стук аппаратов Юза. В коридорах молодежь, сидя на подоконниках, то и дело разражалась смехом: первое апреля, все обманывали друг друга.

Но в зале, отведенном для заседания главнокомандующих, царил тишина.

Маленький рыжеватый человек в полковничьей форме сидел по середине стола, на крытого синим сукном с кистями. Это был русский царь и русский верховный главнокомандующий.

Начальник генерального штаба Алексеев делал доклад.

Мешковато одетый, похожий на старого сторожа из солдат Алексеев говорил уже довольно долго. Он неторопливо, подробно обрисовал положение на всех фронтах войны, шаг за шагом изложил выводы, к которым пришло февральское совещание союзников в Шантильи. Немцами захвачена огромная часть Европы. Вся Бельгия, часть Франции, Польша, Сербия, Албания, часть Греции под их пятой. На лето 1916 года намечается переход союзников в решительное наступление. Франция и Англия просят, чтобы первый удар взяли на себя русские.

— Зная чрезвычайное напряжение французской армии в боях у Вердена, которое длится день за днем уже два месяца, — говорил Алексеев, — мы, само собою, должны принять это предложение. Штаб верховного главнокомандующего наметил примерно вот что: мы всеми силами укрепляем Западный фронт, фронт уважаемого Алексея Ермолаевича...

Рисунки С. Мочалова

Тучный, бородатый командующий Западным фронтом Эверт, тяжело приподнявшись в кресле, сделал чуть заметный кивок. Брусилов искоса посмотрел на него: так-то оно так, но ведь все-таки он — немец, этот Эверт!

— Этот фронт примерно в половине июня, когда просохнут дороги, когда мы накопим силы, нанесет решительный и главный удар, он прорвет фронт врага. Фронт Алексея Николаевича, — начальник штаба повернулся к сидевшему в конце стола Куропаткину, — его фронт висит над флангом врага. Как только части Западного фронта добьются успеха, Северный фронт обрушится на противника сверху. Чтобы это возможно было выполнить, Ставка намерена дать этому фронту достаточное подкрепление. Что же касается до Юго-Западного фронта, вас, Алексей Алексеевич, — слегка улыбнулся он Брусилову, — то, поскольку нам категорически заявили, что этот фронт к крупным боям не способен, — на него

Генерал-от-кавалерии А. А. Брусилов.

возлагаются лишь чисто оборонительные задачи. Только после того, как оба ваши северные соседа достигнут заметного успеха и отбросят врага, ослабив его, тогда мы попросим и вас перейти в наступление... Я кончил, господа, и, конечно, меня живо интересует ваше мнение.

Солнце медленно двигало янтарные полосы света по столу, по галунам генеральских погон, по листам бумаги. От графина с водой на скатерть легла радуга.

Генерал-от-кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов, выпрямившись, поднял кверху колючий седой бобр. Он хорошо знал, что его не любят здесь, в Ставке: из всех командующих фронтами он единственный не окончил академии, не имел высшего образования. Его за спиной называют «лошадиной мордой». Ну что ж, зовут же выслужившегося из маленьких чинов Алексеева «унтер-офицериссимусом русских армий». Пусть точат языки! Посмотрим, что они сейчас скажут...

Что скажут главнокомандующие фронтов, интересовало всех. Желтый, сухой, похожий на старую пле-

шивую обезьяну великий князь Сергей Михайлович, начальник артиллерии, опершись подбородком на сло-новый набалдашник трости, впился злыми глазами в Куропаткина. Высокий и узкий в плечах военный министр Шуваев теребил свисающие вниз длинные усы. Нервно-раздражительный Владислав Наполеонович Клембовский весь сжался на стуле, рядом с Брусиловым. И пока, один за другим, Куропаткин и Эверт говорили, Брусилов чувствовал, как что-то глубоко внутри него начинает все сильнее и сильнее закипать.

Поглаживая кругленькие мягкие руки, генерал Куропаткин высказал свою мысль. Армия его фронта не способна наступать... Вообще русская армия переутомлена. Она утратила боевой дух... Укрепления, созданные немцами, — непреодолимы. Помощь союзникам, бесспорно, — необходимое дело, но... попытка наступления может кончиться катастрофой.

— Да-с... Я понимаю, что крайне смело говорить так в присутствии вашего величества, — он сделал поклон в сторону царя, — однако мой долг солдата подсказывает мне...

У Эверта был хриплый бас, вырывавшийся из жирной груди отрывистым лаем. Лоб его морщился, и начальник штаба всякий раз подсказывал ему.

— Да, да... Гм... Да! Бесспорно так... Ваше превосходительство совершенно правы... Может произойти катастрофа... Гм... Но, впрочем... При условии... О, только очень значительной помощи... Ну, там — артиллерией... Что же... Можно попытаться... Однако, конечно, за успех ручаться никак нельзя...

Алексеев устало опустил голову. На лице царя выразилось подобие заботы. Но видно было, что его тревожит не падение боеспособности русских армий. Нет, совсем другое: больше всего на свете он не любил затруднений, противоречий, разных там «нельзя», «необходимо»... Французы требуют наступления, эти говорят «нельзя»...

Воцарилось тяжелое молчание. Генерал Брусилов сидел потупясь, боясь, что, взглянув кому-нибудь из них в глаза, он не выдержит, забудет о присутствии царя, вскочит... Он чувствовал, что и Клембовского, его начальника штаба, бьет злая, сухая дрожь. Да что ж они — не хотят дать мне слова?

В этот миг скрипучий голос великого князя Сергея Михайловича, остряка и злоки, произнес:

— Так-с! Алексей Николаевич нас похоронил. Алексей Ермолаевич крышкой забил и отпел. Любопытно узнать, что скажет Алексей Алексеевич?

— Да, да, — встрепнулся царь, — Алексей Алексеевич, прошу вас...

Брусилов встал.

— Я не спору, — резко, почти гневно начал Брусилов, — снаряды, артиллерия, — все это очень нужно армии для наступления. Бесспорно. Но еще необходимее — боевой порыв, воинский дух. Без этого она и со снарядами наступать не станет. Если же у меня спросят: сохранила ли русская армия свой воинский дух? — я отвечу, положу руку на сердце:

да, сохранила! Может наступать? Может! Должна? Должна! Больше того — она требует наступления. Сидение на месте — вот от чего она устала! Не берусь судить о других фронтах, но за свой ручаюсь. Русский солдат на моем фронте продолжает оставаться русским солдатом — самым стойким, самым стремительным, беззаветно-храбрым и выносливым бойцом. Не я рискнул заговорить здесь о том, что русский солдат утратил боевой дух. Поэтому я не вижу оснований сидеть на месте и смотреть, как бьются другие... Наша беда в том, что мы пытаемся бить врага то тут, то там. Не наваливаемся на него сразу, всеми фронтами. А что будет он делать, если мы вместе, одновременно ударим?.. Словом — прошу разрешить и мне наступать, также как моим соседям. Я все сказал.

Он не успел сесть, не успел отдышаться, как за столом поднялся непривычный в царской ставке шум. Задвигались стулья, заговорили люди...

* * *

Поздно вечером поезд снова отошел из Могилева. Усталый, но довольный, Брусилов умылся и в одной нижней рубашке, в голубых помочах, с мыльницей и зубной щеткой в руках, вышел в коридор. Клембовский у окна, возмущаясь и смеясь, говорил что-то адъютанту главнокомандующего. Увидев Брусилова, оба замолкли.

— О чем вы, Владислав Наполеонович? — спросил Брусилов.

Клембовский вдруг расвирипел.

— Да нет, помилуйте, Алексей Алексеевич, это до такой степени мерзко... Вы знаете, что мне сказал Сиверс, начальник штаба Куропаткина? «Удержите же вы своего... — Он говорил о вас! — Ну что ему не сидится на месте? Что он — в Суворовы рвется? Ну хорошо, если все хорошо. А если сорвется? Ведь он же себе всю карьеру испортит?..»

Брусилов на миг задержался, как бы недоумевая. Потом все лицо его вдруг передернулось гримасой. Он махнул рукой и прошел в свое купе.

Нет! Никогда не думал о карьере этот подтянутый старик. Это они думали о карьере, а он — о родине. Пути их не могли не разойтись.

Начало русского наступления было намечено на пятнадцатое июня, место: Барановичский район, у Эверта. Но к середине мая, когда генерал Брусилов энергично готовился к выполнению намеченного плана, когда все его армии, впервые за эту войну, темными ночами рыли окопы, копили снаряды, подвозили подкрепления, — к этому времени все переменилось.

Много раз битые нами австрийцы внезапно ударили по итальянской армии в южных отрогах тирольских Альп. Они сами не ожидали эффекта, который это произвело.

Разукрашенная петушиными хвостами на шапках, армия итальянцев стала безудержно отступать. Рубеж за рубежом покидали они, оставляя врагу даже горы, откатываясь на равнину. И тогда из главной итальян-

ской квартиры на весь мир понеслись отчаянные вопли: «Спасите! Гибнем! Где русские? Немедленно наступайте!» Командующий итальянской армией Кадорна взывал и сам, и через начальника своей миссии генерала Ромен. Итальянский король Виктор-Эммануил телеграфировал тогда русскому царю, отдохнувшему в Крыму: «Любезный брат мой! Ваше наступление на севере нам не поможет, австрийцы все равно будут бить нас. Наступайте на юге, и не в июне, а тотчас же, тотчас же, тотчас же...»

Русская Ставка возмущалась, укоряла итальянцев в панике, в трусости, в неумении воевать. Но скоро стало ясно: спасти Италию может только Россия. И вот тогда план Ставки был изменен. Теперь главный удар, и не через месяц, а тотчас же, должен был нанести не Западный фронт, а Юго-Западный, Брусиловский. На него ложилась вся тяжесть трудного прорыва. Месяц назад Брусилову предоставили второстепенную роль, теперь — главную. И притом оставляли действовать в одиночку: ни Эверт, ни Куропаткин не собирались начинать операций раньше намеченного срока.

«Прошу вас спешно уведомить, когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы для атаки австрийцев с целью оказания действительной помощи итальянцам?» запросил одиннадцатого мая Брусилова Алексеев.

В тот же день пришел короткий ответ:

«Оперативная. 2598. Артиллерийскую атаку начну девятнадцатого мая. Брусилов».

Но только из-за нерешительности царя, из-за слабости Алексея началось сражение было перенесено на три дня.

* * *

Наступила ночь с 22 на 23 мая.

От Припяти, текущей на севере неспешными волнами, от топких, поросших тростником берегов до предгорий Карпат на юге залегли друг против друга две армии: полмиллиона русских, полмиллиона австро-немецков.

В эту ночь в штабах Первой австро-германской армии в Берестечке офицерская молодежь устроила пирушки. Праздновали два события: день рождения наследника престола и блестящую победу австрийцев над итальянцами. Поднимали тосты за дальнейшие успехи. Ходили слухи, что несколько дивизий в ближайшие дни даже будут снова сняты с этого фронта и направлены в Италию. Гадали: кто окажется счастливым, сменит туманные болота этой неприветливой страны на бирюзу Средиземноморья...

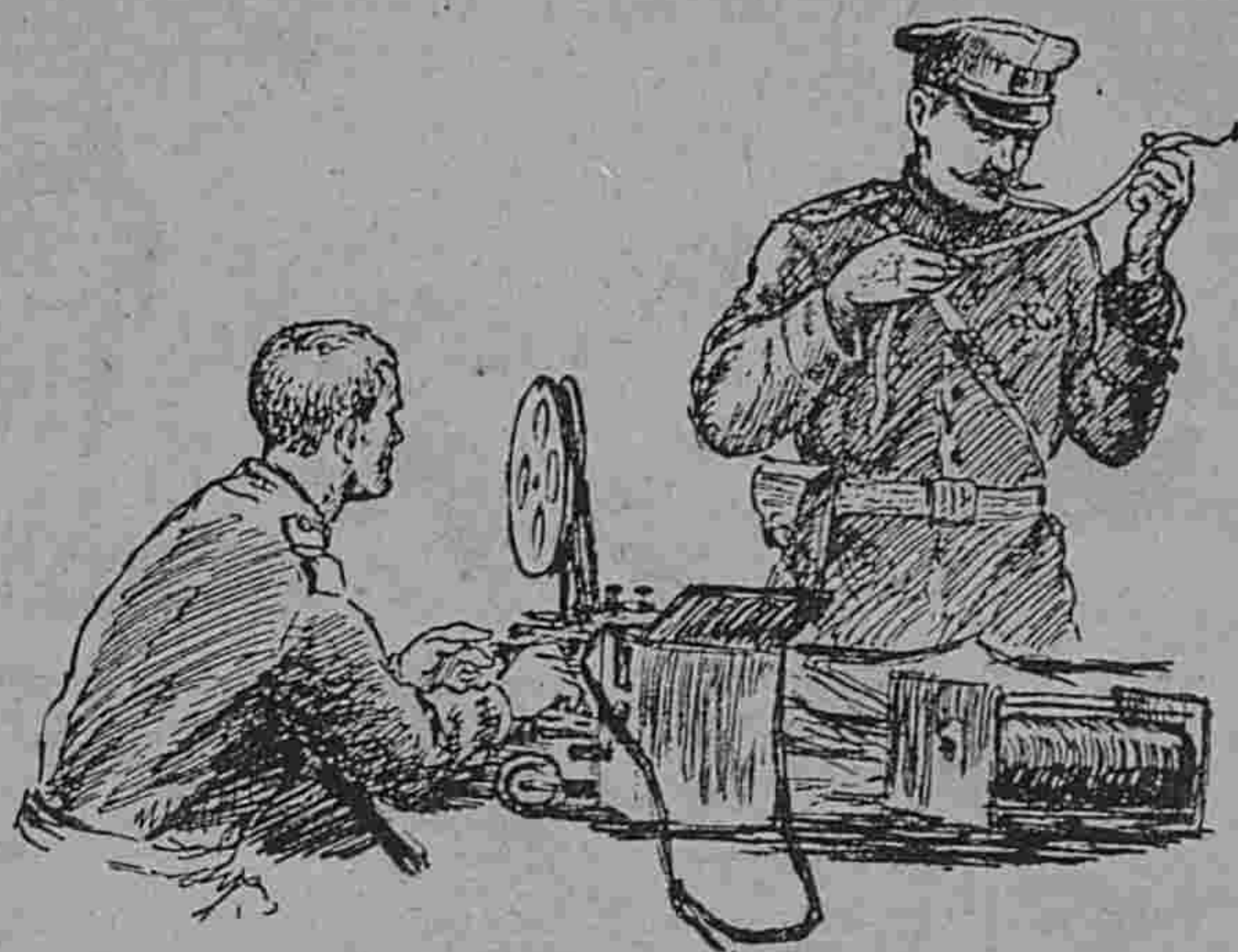
На востоке, в стороне русских, все было тихо.

Там, на востоке, за сто восемьдесят километров от Берестечка в это самое время генерал Брусилов спустился из своего кабинета в аппаратную, к прямому проводу, и продиктовал телеграфисту:

«... Командармам 8, 11, 7, 9.

«Копия Начштаверху Алексею»

«Оперативная. Начало артиллерийской атаки 22 на рассвете. Еще раз подчеркиваю необходимость полного взаимодействия пехоты и артиллерии. № 1500. Брусилов».

Затем к аппарату подошел начальник штаба Юго-Западного фронта Клембовский:

«Командармам 8, 11, 7, 9.

«Главнокомандующий Юго-Западного фронта поручил мне передать вам: «Настало время дать вновь врагу почувствовать нашу силу...»

«Начштаюз Клембовский».

Над бесконечной, слегка всхолмленной и болотистой на севере, к югу повышающейся пологой равниной лежала ночь. Километр за километром тянулись две параллельные линии окопов, изрытой земли, хитрых ходов, лисьих ям, проволочной паутины. От Вульки Галузийской к Костюховке, от Ольки до Дубно, мимо Кременца и Чарторийска, мимо Бржежан и Гайворонки, к самым Черновицам, до Бояна на румынской границе — русские и немцы.

Полмиллиона русских людей в серых шинелях, полмиллиона сердец, готовых отдать родине свою жизнь, прощались с товарищами, писали письма, смотрели на светящее звездное небо.

За окопами, поодаль, на холмах, незаметные, подняв в сторону врага короткие зеленые хоботы, молчали орудия: они должны были начинать. Легкие пушки давно уже провели пристрелку, тяжелым предстояло пристреляться в момент атаки. Снаряды подвезены. Снарядов на этот раз достаточно. Все продумано, все подготовлено, все в порядке...

Звезды померкли. С востока, из-за спинок русских брызнули первые алые лучи. И, теперь уже никто не знает, не помнит, где именно, — у берега Припяти, под Ровно или в предгорьях Карпат, — гулко грянул первый выстрел. Офицеры, дремавшие в штабных прокуренных комнатах, на ходу застегиваясь, бросились к окопам. С бьющимися сердцами люди прильнули, где можно, к бойницам, к щелям.

Началось!

Ровно в четыре часа утра вся артиллерия русских, около двух тысяч орудий, сразу открыла огонь. Цели были распределены заранее. Батареи поочередно то пристреливались по окопам врага, то переносили огонь в его тыл, на те места, которые придется обстреливать, когда начнет двигаться вперед пехота.

С каждой минутой вступали в действие все новые

и новые пушки. Вот заговорили тяжелые орудия, охнули залпы гаубиц... Огонь становился все чаще и чаще. Неумолкаемый, равномерный, он поднял от сна, изумил, потряс всю пятисоттысячную австро-германскую армию. Что случилось? Что с русскими? Они что-то задумали!

Каждое орудие, получив заранее приказ, било как машина — методично, точно, не учащая и не замедляя стрельбы. В шесть утра, два часа спустя после начала канонады, артиллерия, пристрелявшись, перешла на поражение. Но огонь ее остался тем же: ритмичным, точным, безжалостным. Снаряды падали на немецкие окопы, разрушали убежища, зарывали лисьи норы, прорывали огромные бреши в проволочных заграждениях. Сквозь бурый дым, затянувший склоны холмов, с наблюдательных пунктов видны были фонтаны земли, колья, бревна, летевшие в небо. Враг впервые видел такую мощь русского огня на этом фронте. Русские солдаты с замиранием сердца следили за его действием. Наступал их час, час отмщения врагу, час возмездия за растоптанные границы, за отнятые жизни, за то, что целый год, безнаказанно пользуясь своим оружием, он терзал почти безоружные и все же стойкие русские армии.

Вражеская артиллерия скоро начала отвечать. Но огонь ее был разбросан, тревожен, неточен. В окопах же противника творилось что-то непередаваемое. Спасаясь от русского огня, немцы кидались в убежища.

И вдруг стрельба сразу смолкала. Три минуты, пять, десять... Ни одного выстрела. Значит — атака! Штыковая атака!

Охваченные тревогой, австро-немецкие солдаты, отряхивая забросанные землей винтовки, волоча пулеметы, подгоняемые офицерами, бросались в переднюю линию. Но в тот же миг огненная гроза налетала на них снова. Исковерканные тела горами скоплялись в разбитых окопах. Уцелевшие ныряли снова в лисьи норы. И так повторялось четыре раза.

Солнце уже начало клониться к западу, когда артиллерийский огонь русских сразу перекинулся на дальние тылы и резервы врага. Почти тотчас же пехотные полки вырвались из своих окопов на поверхность. По полям, изрытым сотнями тысяч снарядов, двинулись плотные массы бойцов.

Вражеская артиллерия начала неистово бить по наступающим. Но русские солдаты достигают окопов. Вот они перебрасывают через них принесенные с собою легкие мостики и перебираются на ту сторону... Вот они врываются в окопы врага... Что такое? Кто это бежит там на восток?..

Это венгры. Венгры и немцы стремительно спасаются в русских окопах. В плен, в плен... Они прорываются далеко в глубь расположения русских, эти недавно такие уверенные в своей силе, но теперь растерявшиеся люди. Побросав оружие, они кучками собираются в кустах, в овражках, рвут портянки на

белые флаги, стоят дрожа, с помертвелыми лицами, высоко подняв кверху грязные руки... В плен, в плен!..

* * *

«Оперативная.

«Дополнение к предыдущей.

«К полудню двадцать четвертого мая армиями Юго-Западного фронта взяты следующие трофеи: 881 офицер, около 40000 нижних чинов, 77 орудий, 134 пулемета и 44 бомбомета. Кроме того, взяты прожекторы, телефоны, походные кухни, много ручного оружия, снаряжение и значительные склады боеприпасов. Подпись».

Так прошел для австро-немецкой армии первый

день замечательного брусилевского наступления, сражения, затянувшегося на много месяцев, уничтожившего полтора миллиона вражеских солдат. Это наступление нанесло Германии такой удар, от которого она, по словам ее главкома Фалькенгайна, «так уже никогда и не оправилась до бесславного конца войны». Фалькенгайн сравнил брусилевский Луцкий прорыв с «громом из ясного неба». Но этот гром подготовил, борясь с неверием окружающих, большой человек, истинный сын своего народа Алексей Алексеевич Брусилев, а нанесли его сотни тысяч крепких духом и сильных любовью к родине русских солдат. Это было тогда, 25 лет назад. Такие ли громы услышит над своей головой теперь фашистская гитлеровская армия!

* * *

Война,
товарищи,
война!

Воюет
с тьмою
свет.

Страна
Советская
сильна, —

Сильнее
в мире
нет!

Узнает
эту силу
враг,

Пощады
нет
ему!

И мы
пройдем
сквозь гром атак,

И свет
рассеет
тьму!

М О Р Е

ЮРИЙ ИНГЕ

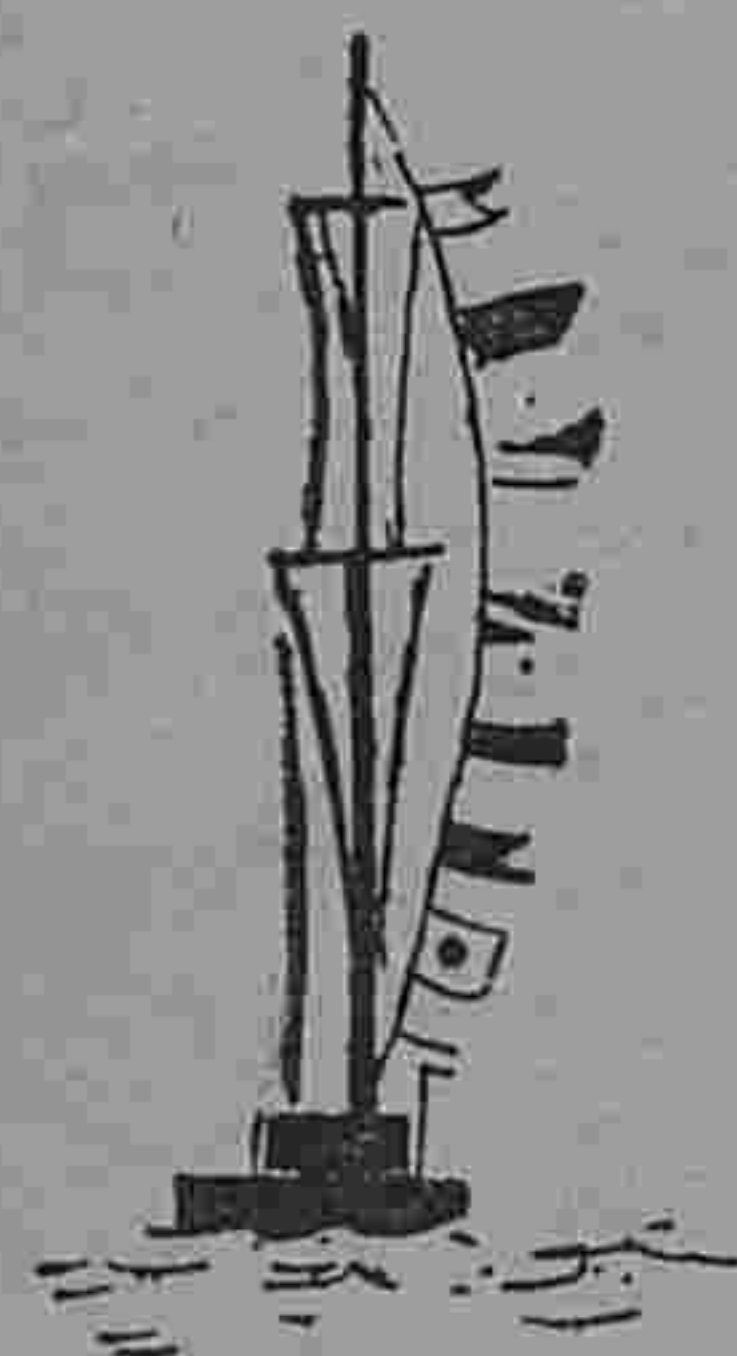
1

В двусветных залах Русского музея
 Я с необычной жадностью глядел
 На воплощенье красок Зюдерзее,
 На паруса испанских каравелл.
 Здесь оживали книги Стивенсона,
 И ветер путал снасти бригантин...
 Звала к себе неведомая зона...
 Кто не прошел сквозь этот карантин?..
 С утра на взморье, убежав из класса,
 Мы по волне веслом чертили след,
 А рулевой стоял на дне баркаса,
 Сжимая самодельный пистолет.
 Так возникало смутное начало
 Далекого и трудного пути.
 Да, нас изрядно море покачало,
 Но научило плавать и грести.
 В нас был наивной гордости излишек,
 И, за поход на яхте в Петергоф,
 Во всем сословье уличных мальчишек
 Лишь мы носили титул моряков.
 И те, кто вместе с нами полюбили
 Свирепых ураганов голоса,
 Дорогу в лавку мерили на мили,
 А из простынь кроили паруса.
 Тогда еще мы многого не знали,
 Но верили, разглядывая мир,
 Что будет день — и в вахтенном журнале
 О нас напишет скупко командир.
 Все будет вечным — верность и отвага.
 И мы, раскрыв походную тетрадь,
 Взойдем на бак перед подъемом флага,
 Чтоб жизнь по-настоящему начать.

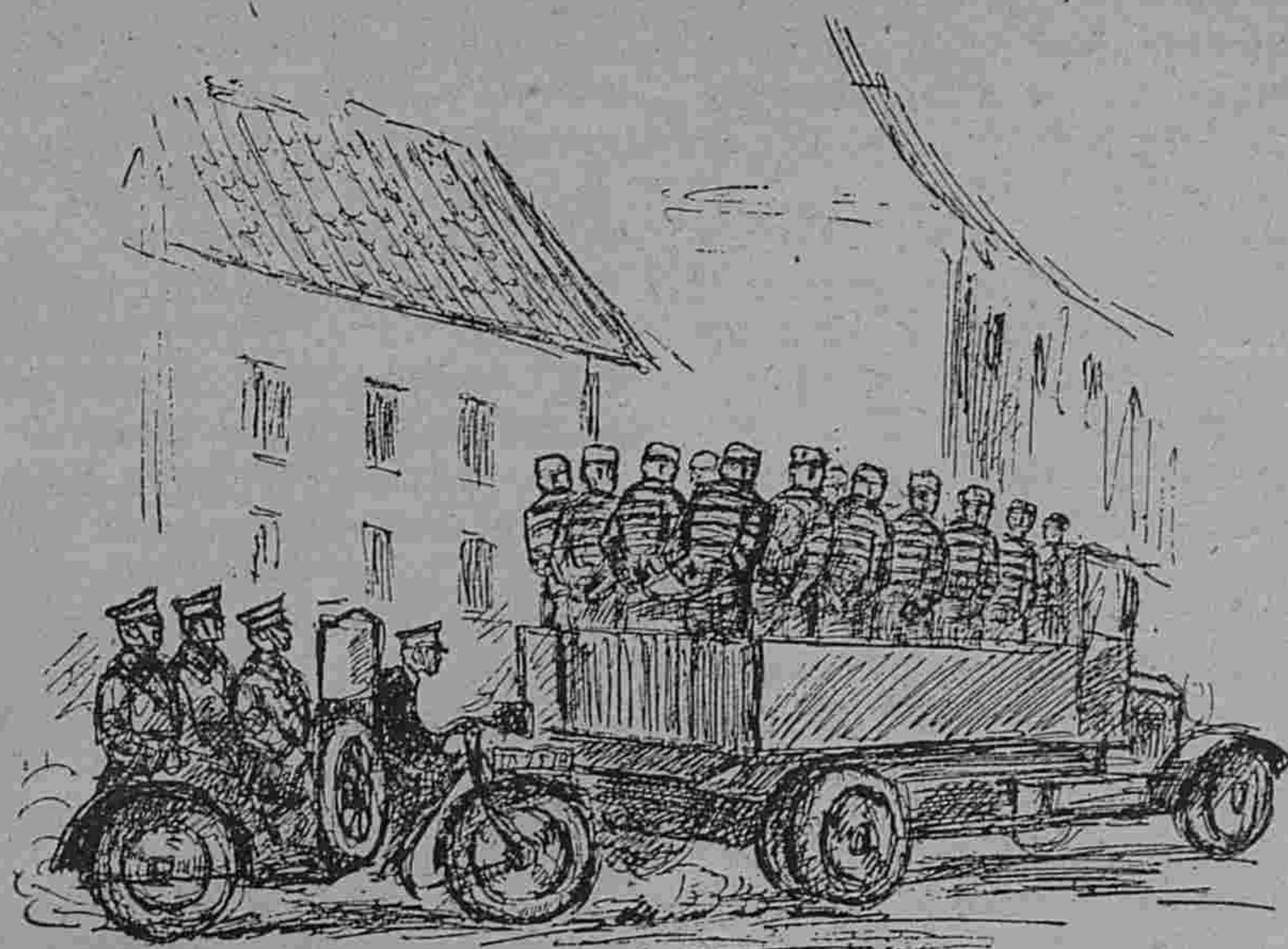
2

Суров январь сорокового года,
 Покрыты белым пухом берега,
 Синоптик мрачен. Скверная погода,
 Шуршит в заливе скользкая шуга.
 Весь день над шаткой палубою тучи,
 Стоят морозы несколько недель,
 Январский лед, тяжелый и колючий,
 Пловучую сжимает цитадель.
 На корабле собираются к обеду,
 Встречают кока дюжиной острот,
 Течет спокойно мирная беседа,
 Пока ее тревога не прервет.
 Но вдруг ворвался в шумные отсеки
 И зазвенел прерывистый сигнал,
 Единым звуком в каждом человеке
 Он мускулы спружинил и собрал.
 Клокочет море. Сипло завывая,
 Холодный ветер палубы сечет,

А вдалеке, как будто неживая,
 Лежит земля, закованная в лед.
 Природа мрак над Балтикой простерла,
 Но сквозь густую снежную кипень
 Шестидюймовок стынущие жерла
 Нашупывают первую мишень.
 За этот миг ледовою коростой
 На корабле железо обросло.
 Ты не легко, не шуточно, не просто —
 Суровое морское ремесло.
 Но для того, кто в молодости выбрал
 Бесстрашье вечным спутником своим
 Нужна работа крупного калибра
 И крепкий шторм подчас необходим,
 Чтоб, никогда не ведая испуга,
 Смотреть, как в черный вражеский зенит
 Пружина боя, скрученная туго,
 Молниеносным залпом зазвенит.
 Как жадно звуки схватывает разум,
 Когда мишень на целике видна,
 И, наконец, магическим приказом
 Звучит короткий возглас ревуна!
 И сразу башня вздрогнула... Другая...
 Небесная качнулась высота.
 Оранжевое пламя изрыгая,
 Орудия взметнули хобота.
 Казалось — море выло и гудело,
 Противник бил наводкою прямой,
 Эсминец рыскал в зареве обстрела,
 Фонтаны оставляя за кормой.
 Разбиты восемь движущихся точек.
 Осталось две. Они еще палят.
 Добить, добить! И раненый наводчик
 Шлет свой последний яростный снаряд.
 А в это время где-нибудь в Сибири,
 На северном краю материка,
 В просторной и натопленной квартире
 Ласкает сына нежная рука.
 Вихрастый и взъерошенный мальчишка,
 Ему совсем не хочется в постель,
 Пред ним до дыр зачитанная книжка
 И корабля картонная модель.
 Уже двенадцать. Передана сводка,
 А он не спит. И в шуме у крыльца
 Ему все время слышится походка
 На вахту заступившего отца.
 И видит он клокочущее море,
 И слышит рядом плачущую мать;
 А женщина, суровая от горя,
 Все думает: сказать иль не сказать?..
 И сдерживает, пряча телеграмму,
 Рыдания, в горле вставшие комком...
 — Усни, сынок! — А он твердит упрямо,
 Как все мальчишки: — Буду моряком!

КАРЛ, ГДЕ ТЫ?

БЕЛЛА БАЛАШ

Рисунки К. Рудакова

ТЕЛЯЧЬЕ РАГУ

Вниз по извилистой дороге спускался небольшой грузовик, нагруженный людьми.

Сорок семь человек, привязанные веревками, стояли, тесно прижавшись друг к другу. Это были антифашисты, которых перевозили из Траунштейнской тюрьмы в концентрационный лагерь в Висмюле.

Карл Бруннер и Франц Шрамм стояли в середине и держались за руки.

Грузовик мчался вниз по крутой дороге, не тормозя на поворотах. Живая куча мяса, швыряемая из стороны в сторону, казалась туго затянутым клубком страданий и боли. На каждом повороте раздавались стоны и крики. И каждый раз в ответ слышался угрожающий хохот: за грузовиком следовал сопроводительный отряд охранников.

Вскоре грузовик свернул с шоссе на дорогу, ведущую в концентрационный лагерь № 811. Карл уже давно сквозь деревья увидел строения лагеря. Теперь они находились прямо перед ним.

Это был новый лагерь, еще не достроенный. Стены вышиной в три метра окружали его, как крепость. Они были опутаны четырьмя рядами колючей проволоки. Над ними возвышались сторожевые башни и прожекторы. Зоркие глаза Карла разглядели на башнях пулеметы.

И все же первой мыслью Карла при внимательном взгляде на эту мрачную могилу живых людей была мысль о побеге!

Был час дня, когда раскрылись огромные

обитые железом ворота концентрационного лагеря. С обеих сторон, пропуская машину, стояла охрана. Когда тяжелые ворота снова закрылись, Карл бросил назад беглый взгляд и на мгновение почувствовал, как внутри у него все похолодело.

Обе машины остановились у одноэтажного здания комендатуры, пристроенного к офицерской столовой и к квартире коменданта лагеря. Отряд охранников, сопровождавший транспорт, соскочил с машины и начал разгрузку арестованных. Делалось это так: заключенных, связанных друг с другом, кучами сбрасывали с грузовика. Четыре-пять дюжих молодчиков из охранного отряда хватили веревки, другие помогали прикладами винтовок, и кучи людей валились друг на друга, не имея возможности подняться с земли. Подбежавшая лагерная охрана глазела на этот стонущий и хрипящий человеческий хаос и раскатило гоготала.

Вдруг открылась дверь комендатуры, и комендант лагеря со своим заместителем показались на пороге.

— Подходи! — заорала охрана, развязывая веревки и толкая ногами измученных, еще оглушенных падением людей. — В ряды стройся! — орала она и били плетью тех, кто не мог сразу подняться. — Живо! Живо! Здесь вы научитесь поворачиваться.

Вскоре все сорок семь заключенных стояли, выстроившись в ряд.

Карл в этом строю случайно попал на крайний левый фланг. Рядом с ним стоял Франц.

— Ну, Карл! — зашептал Франц. — Тут из нас сделают котлеты. Все кончено.

— Никогда не бывает «кончено»! — шопотом ответил Карл. В это мгновение из дверей комендатуры вышел комендант со своим заместителем и направился прямо в их сторону.

— Смирно! — звучит команда. Заключенные костенеют. Охранники тоже стоят навтыжку. Комендант лагеря подходит к левому флангу, прямо к Карлу, оглядывая весь ряд.

Коменданта зовут Шонгауэр. У него широкая, огромная, мощная фигура и круглое, разбухшее от пива лицо. В пьяном виде на него находит подленькое добродушие, которое может немедленно перейти в бешеную злобу.

Его заместителя зовут фон Латвитц. Это полная противоположность Шонгауэра. Он худощав и бледен. Его запавшие большие глаза с горящим блуждающим взглядом фанатика словно выискивают повсюду опасность.

Шонгауэр слегка покачивается и расставляет для устойчивости свои исполинские ноги.

— Новая партия прибыла? — гремит его мощный бас. — Человеческое отребье не переводится! Можно выгребать и выметать сколько угодно — дерма хватит! — Он бессмысленно хохочет, сотрясаясь всем своим колоссальным туловищем. — Вам чертовски повезло, скажем прямо! — продолжает он грохотать. — Чертовское везенье, что вы попали ко мне, а не в концлагерь Верндорф. Скажите-ка хором: нам чертовски повезло! Ну! Живее!

Вперед выскакивает Латвитц. С высоко поднятой собачьей плеткой стоит он перед строем.

— Повторить! — Его ледяной голос не громок, но он режет. — Повторить: нам...

— А ты? — Он подскакивает к старику, который стоит с закрытыми глазами. — Думаешь, что можешь тут притворяться и саботировать?

И Латвитц изо всех сил бьет старика плеткой по лицу. Кроваво-красный шрам ложится на бледные морщины. Но старик не двигается. Он как будто и не почувствовал удара. Его глаза остаются закрытыми.

— Ха-ха-ха-ха! — гремит раскатистый хохот Шонгауэра.

И заключенные громко и отчетливо повторяют:

— Нам чертовски повезло!

При этом все опускают взгляд.

В этот момент к строю приближается штурмовик с большой дымящейся закрытой миской в руках. На нем обычная штурмовая форма, но на голове белый колпачок. Он напра-

вляется к офицерской столовой, огибая левый фланг заключенных, когда окрик Шонгауэра заставляет его остановиться:

— Август! Что ты там несешь? — и он кладет свою огромную лапу на плечо повара.

— Обед для господ офицеров, господин комендант, — отвечает повар Август и стоит, как вкопанный, с огромной дымящейся алюминиевой миской в руках.

— Август! — гремит Шонгауэр. — Опять такие же свинячьи помои, как всегда?

— Телячье рагу, господин комендант! — отвечает повар с глухим, сдержанным упрямством.

— А ну-ка, показать, Август! — И Шонгауэр одним движением сбивает крышку с миски так, что она катится по земле. — Август! И ты называешь это телячьим рагу?

В тоне и в выражении лица коменданта был такой глубокий и печальный упрек, что Карл, стоящий рядом, чуть не рассмеялся. Видно, для этого человека еда выше всего на свете!

— Телячье рагу, как полагается, — бормочет повар с тихой озлобленностью человека, от которого больше ничего и требовать нельзя.

— Как полагается? Август! Август!.. Ты ведь понятия не имеешь...

Карл покосился на миску, которую повар держал почти у самого его носа, и вдруг, сам не зная, по какому наитию, громко и отчетливо сказал:

— К этому полагаются белые грибы.

Изумление и ужас пробежали по всем лицам. У Франца остановилось сердце. Повар во все глаза уставился на Карла и чуть не выронил миску. Все охранники повернулись к Карлу. Такой беспримерной дерзости еще не бывало в концлагере. У заключенных, похолодевших от страха, перехватило дыхание.

В ту же секунду к Карлу подскочил Латвитц, схватил его левой рукой за грудь и занес над ним правую руку с плеткой.

— Ах ты! — шипит он. — Ты смеешь раскрывать тут свой поганый рот?

Он замахивается плеткой, но в этот момент могучая лапа Шонгауэра хватает его за руку.

— Одну минуту! — гудит он и отодвигает Латвитца в сторону.

— Что ты сейчас сказал? — обращается он затем к Карлу. Ни малейшей злобы нет в его голосе. Только изумление и любопытство.

Карл бесстрашно смотрит пьяному великану прямо в глаза и отвечает:

— Я сказал, что к приличному телячьему рагу полагаются белые грибы, господин комендант!

— А что еще полагается к приличному телячьему рагу? — с любопытством спрашивает комендант, как на экзамене.

Шонгауэр одним движением сбил крышку с миски.

— Зеленый горошек, сметана, каперсы, господин комендант. Подается горячим в раковинах!

— Ха-ха ха! — раздражается Шонгауэр громовым хохотом и хлопает себя по ляжкам. — Правильно! Правильно! Ха-ха! В раковинах, горячим! Верно, в самую точку! Откуда у тебя такие познания, негодяй?

— Я работал на кухне у барона фон Лангенхорст.

— Урра! — рычит Алоис Шонгауэр. — Мы спасены, коллега Латвитц! Теперь у нас будет приличная жратва. Вот тебе помощник! — И Шонгауэр хватает Карла за плечо и толкает его к повару с такой силой, что Карл во всю длину растягивается на земле.

— Ха-ха-ха! Сейчас же определить этого мальчишку с раковинами на офицерскую кухню. Август! Белые грибы и каперсы! Ты подучись, Август!

Карл с трудом поднялся, все его кости ныли от ушиба. При этом он бросил беглый взгляд на Франца, который все еще не мог оправиться от первого испуга и, как оглушенный, не сразу воспринял этот внезапный поворот. Но теплый, подбадривающий взгляд Карла говорил: я тебя не оставлю! Положись на меня.

«КАРТОФЕЛЬНЫЙ КУЧЕР» И ФОТОГРАФИЯ

Карл, который умел улыбаться даже в тюрьме, в концентрационном лагере, повидимому, утратил свою милую улыбку. И вовсе не оттого, что ему плохо жилось. Совсем напро-

тив. Никому во всем концлагере не жилось так хорошо. Даже многие штурмовики из младших завистливо поглядывали на этого поваренка, находившегося под особым покровительством лагерного коменданта Алоиса Шонгауэра.

Не раз он подходил после еды к кухонному окну с лоснящимся и сияющим лицом и гротал:

— Опять сегодня отличное варево! Стряпать тоже ведь искусство! Напиши-ка мне рецепт. Хочу послать невестке.

Повар Август был за это признателен своему подручному, тем более, что Карл делал вид, будто все выполняется им только по указаниям повара, и все лавры доставались Августу. Этот Август Бене, казалось, вообще не был злонравным человеком. По настоянию Карла, он и Франца взял к себе на кухню. После первых же меню, приготовленных под руководством Карла, у Шонгауэра можно было добиться всего, что касалось кухни.

Обоим юношам необычайно повезло. Почему же не видно было улыбки Карла?

В тюрьме истязали его самого. Здесь ему приходилось видеть, как истязают других. И было еще нечто такое, что большей тяжестью ложилось на сердце Карла, чем страдания заключенных. Это была их неприступность, с ними невозможно было договориться. И не только из-за строгой охраны. Они казались замороженными, замкнувшимися в скорлупу страха и недоверия. Здесь, где общность страдания, ненависти и надежды, казалось, должна была всех объединять, Карл

чувствовал себя более одиноким, чем где-либо.

Прошло две недели. Карл и Франц работали на кухне до позднего вечера, а если господа офицеры устраивали вечеринку, то и до глубокой ночи. Когда оба товарища возвращались на ночлег в свой барак № 1, заключенные уже давно лежали на койках. Спертый, тяжелый воздух и вонь прогнившей соломы, точно кулаком, ударяли их по лицу.

Три этажа нар рядами вырисовывались в полумраке. Карл чувствовал, что многие заключенные не спят, а лежат с открытыми, горящими глазами, уставившись в темноту. Он слышал тихие вздохи и стоны, иногда сдержанное, точно проглоченное рыдание.

Время от времени проходил караульный и зажигал свет. А иногда внезапно и беззвучно, как призрак, возникал худой, бледный Латвитц, беспокойно шнырявший по ночам, все высматривая и вынюхивая, и его запавшие, бегущие глаза были расширены от страха.

Как-то утром в лагерь приехал «картофельный кучер» Леман со своими мешками и остановился возле кухни. Большой подвал, в который разгружали картофель, находился под служебным помещением, и лестница в него вела от офицерской кухни.

«Картофельный кучер» Леман заезжал раз в две недели на кухню с полными мешками картошки, и Август Бене должен был принять по счету эти мешки. «Картофельный кучер» был вовсе не кучер, а шофер, и возил он свою картошку на огромном грузовике — он сам прозвал себя кучером. Был он большой шутник и сам любил подшутить над собой.

С тех пор как Франц и Карл работали на кухне, «картофельный кучер» приезжал всего один раз. Карл его тогда хорошо рассмотрел, и этот шутник ему понравился. Он был так широк, что его фигура казалась почти квадратной. На его круглой, как шар, голове торчали два опромных уха. В его лукаво-веселое лицо были воткнуты два маленьких, сияющих глаза.

Карл даже сердился на себя за симпатию к этому «кучеру». Ведь это был враг. Он разгуливал в засаленной форме штурмовика, с огромной свастикой на левом рукаве. «Картофельный кучер» в первый свой приезд не обратил на Карла никакого внимания.

Итак, утром, в десять часов, этот Леман вошел в кухню и поднял руку для фашистского приветствия.

— Хейль Гитлер! Картошка приехала! — выкрикнул он одним духом.

Карл поднял руку и пробурчал что-то нечленораздельное в ответ. Маленькие веселые глазки «картофельного кучера» глянули на не-

го с таким призывом, что Карл в смущении отвернулся.

— Тебя ведь зовут Карл? — приветливо спросил он хрипловатым голосом.

— Так точно! — вежливо ответил Карл.

Тогда квадратный Леман пошел прямо на него так, что Карл отступил в сторону и обернулся, думая, что позади него кто-то стоит, к кому направляется «картофельный кучер». Но там никого не было. На стене висела доска с новыми лагерными правилами внутреннего распорядка, развешанными повсюду два дня назад. «Картофельный кучер» так близко прошел мимо Карла, что толкнул его плечом и остановился у доски.

Сердце Карла вдруг сильно забилося. Что это? Может быть, этот толчок был условным знаком? Может быть — случайностью или просто грубой бесцеремонностью, к которой все уже давно привыкли.

Внимание и осторожность!

Повар Август был занят квитанциями, Франц разгрузкой мешков. Карл как бы случайно подошел к «картофельному кучеру» и сделал вид, что ищет ключ от погреба.

— Вот и у вас новые правила, как я погляжу! — сказал Леман, внимательно изучая параграфы.

— «За передачу писем или сообщений на волю — сорок два дня строгого ареста или длительное заключение в одиночной камере и двадцать пять палочных ударов через день...» — прочел он вслух. — И ведь всегда найдется кто-нибудь среди этих молодчиков, кто это делает, — громко сказал он и тихо прибавил: — И всегда найдется кто-нибудь, кто возьмет эти письма.

Сердце Карла забилося где-то в горле. «Картофельный кучер», казалось, не обращал на него никакого внимания. Он был необычайно заинтересован правилами.

— Параграф одиннадцатый, — продолжал он. — «Каждый, кто собирает верные или неверные сведения о концлагере или об его устройстве, передает их посторонним посетителям или иными путями ищет связи с внешним миром, кто подстрекает других к побегу или помогает при побеге, подлежит, как бунтовщик, повешению...» — Так! Получили! Это заставит вас призадуматься, негодяи! — И вдруг он добавил так тихо, что это мог услышать только Карл: — И все же найдутся такие, которые это сделают! — И в шопоте этом звучала теплота и страстность.

Но «картофельный кучер» Леман на Карла при этом не смотрел. Он повернулся к повару.

— Ну, Август! Скоро ты кончишь свою писанину? Мой автомобиль уже шаркает передними колесами. — Говоря это, он вытащил из

кармана носовой платок. При этом он уронил на пол маленькую фотографию. Она упала у самых ног Карла. Карл поднял фотографию, чтобы вернуть ее кучеру, и попутно бросил на нее беглый взгляд. И тут у него на секунду замерло сердце. Это была фотография молодой девушки. Молодой девушки, которую Карл очень хорошо знал. Это была фотография Греты Ян, дочери путевого сторожа!

Карл быстро, не раздумывая, сунул карточку в карман. Это не могло быть ловушкой провокатора. Все, что угодно, но только не это. Тот, кто имел карточку Греты и знал, что Карл с ней знаком, мог быть только очень близким другом.

Глаза Карла увлажнились от внезапно нахлынувшего счастья. Грета и связь с внешним миром! Связь с друзьями и товарищами! Связь с партией!

Карл взглянул на «картофельного кучера» Лемана, который стоял теперь позади Августа и открыто улыбался ему своими маленькими веселыми глазами. И на лице Карла впервые за долгое время тоже появилась улыбка.

АВГУСТ БЕНЕ

Карл постепенно узнавал лагерь, потому что кухня была своего рода центром. Многие из заключенных и из охранников заходили туда с разными поручениями, и если при этом не было офицера, то именно там можно было себе позволить более свободный разговор.

«Картофельный кучер» обратил особое внимание Карла на двух заключенных «с кругом». Что это значит? А вот что: на спинах тех заключенных, которые якобы уже предпринимали попытку к побегу или подозревались в намерении бежать, рисовали большой меловой круг. Белые круги были отчетливо видимой мишенью на случай вторичного побега. Многие заключенные концлагеря уже получили смертоносную пулю в свою мишень, хотя никто и не верил в их намерение бежать. С белым кругом на спине долго не разгуливали. Это был знак смерти. И каждый это знал.

Оба заключенных были очень ценными членами партии. Один из них — товарищ Хефнер, в прошлом коммунистический депутат, другой — товарищ Бирквальд, бывший подпольщик. Десять дней тому назад «по подозрению в организации побега» им намалевали на спине белые круги. Уже десять дней жили они со смертным знаком на спине.

— Надо их спасти! — сказал Леман. Но как? Этого и он не знал.

В кухне Август, усевшись возле плиты, мрачным взглядом наблюдает за своими молча работающими подручными. Он к чему-то

готовится. Он тяжело дышит. Он уже давно хочет что-то сказать. Наконец он яростно вскакивает.

— Прекратите, наконец, эту канитель!

Юноши останавливаются, точно окаменев. Но они не поднимают головы. Август подходит к ним. Грубо вырывает сковороду из рук Карла и швыряет ее на пол. Карл поднимает ее и говорит приглушенным голосом:

— Господин Бене, если посуда не будет начищена до блеска, вы получите нагоняй от помощника коменданта фон Латвитца.

— На кухне распоряжаюсь я! И что я получу, вас, сопляков, не касается. Прекратите!

Карл и Франц, не говоря ни слова, вешают алюминиевую посуду на стену и становятся перед поваром навтыжку, опустив глаза

— Можно идти в барак?

— Оставайтесь, — вдруг тихо и точно смущенно бормочет Август. Он подходит к столу и садится, опустив голову на руки.

— Посидите немного со мной, — говорит он робким, почти просящим голосом.

Карл и Франц не двигаются.

— Вы, верно, не хотите?

Молчание. Затем Карл говорит:

— Если помощник коменданта Латвитц пойдет в обход и нас тут увидит...

— Что вы пристали ко мне с этим проклятым скотом? — вскидывается Август. — Сесть!

Юноши садятся на скамью напротив. Они сидят принужденно, на самом краю скамьи и смотрят в пол.

— Вы, конечно, думаете, что я тоже — убийца? — беззвучно спрашивает Август. — Палач, кровавая собака... А?

— Этого мы не думаем, — сухо отвечает Карл.

При первых же словах Августа он насторожился и теперь напряженно изучает его.

— Скажи, Карл... За что ты, собственно, попал сюда?

— Когда я работал в одном доме, я случайно услышал московскую передачу.

— Московскую передачу? — Жадное любопытство пробуждается в глазах повара. — А что там можно услышать? — глухо спрашивает он. — Расскажи-ка!

— Ну... о миллионерах-колхозах, например.

— А что это такое?

— Коллективное хозяйство.

— Перестань! — вдруг раздраженно перебивает его Август. — Думаешь, я ничего не знаю?

Август встает и подходит к окну.

Франц под столом дотрогивается до Карла. Это означает — будь осторожен, не попадись доверчиво на провокацию.

Август задергивает у окна занавеску и возвращается к столу.

— Я знаю больше, чем вы думаете, — снова начинает он. — Я был глуп. Но сегодня я уже не так глуп. Один раз меня Гитлер обманул. Второй раз он меня обманул. В третий раз — баста!

Франц жмет под столом колено Карла, словно желая его удержать. Осторожно! Карл молчит, не поднимая глаз.

— Я был социал-демократом. Немало наших перебежало тогда к фашистам. Гитлер ведь все время болтал о революции... Нетерпение загнало нас в ловушку. Неведение, глупость и нетерпение! Потом уж не было пути назад. Ведь было стыдно. Стыдно было... Совесть была нечиста... Товарищи больше не доверяли! И вот думалось, что, может быть, в качестве штурмовика или охранника окажешься полезным товарищам... А теперь... теперь они гибнут один за другим... Лучших убивают... А ты сам — среди убийц. Нет! Довольно! Сыт по горло. Не могу больше... Но как вернуться? Кто поверит мне?

Август прикрывает рукой глаза. Слезы струятся у него между пальцами.

Франц уже больше не держит свою руку на колене Карла. Оба серьезно смотрят друг на друга. Этот взгляд похож на немое совещание и соглашение.

Карл берет руку Августа, лежавшую на столе.

— Мы верим вам, — просто говорит он.

— И Франц?

— И я, — тихо отзывается Франц.

В СЛЕДУЮЩИЙ ВТОРНИК

Утром в следующий вторник по извилистой дороге спускался грузовик с картофелем.

Задолго до ворот Леман вытянул руку для фашистского приветствия.

— Хейль Гитлер! Картошка приехала!

Охрана у ворот всегда смеялась, когда он выпаливал это одним духом, хотя ничего непристойного в этом не было и придрататься было не к чему.

— Если в следующий раз ты вместо твоей паршивой картошки не привезешь нам копченых колбасок, мы тебя не выпустим из лагеря.

— Через год вы будете офицерами, — ответил Леман. — Тогда нажретесь доотвала!

Грузовик с картошкой въехал во двор, и, в то время как стража вновь закрывала огромные тяжелые ворота, один из охранников проворчал:

— Мы — офицерами?

— Надо было в свое время выбрать себе папашу получше, — ответил другой и сплюнул.

— Поворачивайтесь, оболтусы! — крикнул Леман в кухонную дверь. — Картошку разгружать! Живо!

«Картофельный кучер» был сегодня, повидимому, особенно бодро настроен. Его лицо сияло, словно внутри горел какой-то фитилек.

— Доброе утро, господин Леман! — почтительно поздоровался Карл, затем шепнул, проходя мимо:

— Август ростбиф!

Леман на мгновение опешил, призадумался, и вдруг широкая улыбка озарила его круглое лицо. Он понял. Жаркое ростбиф снаружи коричневое, а внутри красное! И эти парни, повидимому, с Августом уже объяснились. Это же чудесно! А в особенности теперь! Просто счастье!

Леман охотнее всего пустился бы в пляс, но в этот момент в дверях показался Август. Леман долго тряс ему руку, и его маленькие глаза звали к себе так ясно, так сердечно. Но он только сказал:

— Дерзкие у тебя мальчишки!

Август, лицо которого казалось изменившимся (оно стало строже и точно помолодело), тихо ответил:

— Я им за многое благодарен.

— Правда, Август?

Мужчины обменялись серьезным, глубоким взглядом.

— Правда, Леман!

И больше нельзя было, да и незачем было говорить, чтобы понять друг друга.

Они все еще держались за руки.

— Старый Август! — сказал Леман. И в этих словах было столько теплоты, радости и признательности, что самое черствое сердце могло бы растопиться от этих слов.

Затем выдалась минут пятнадцать, когда они все вчетвером могли спокойно поговорить. Только пятнадцать минут. Но в эти четверть часа решилась судьба людей.

«Картофельный кучер» сказал:

— Товарищи Хефнер и Бирквальд должны в течение этой недели выбраться из лагеря!

Он так подчеркнул слово «должны», что никаких возражений не могло быть. Это говорила партия. Это был партийный приказ.

Август и его подручные беспомощно переглянулись. Да, но как? Заключенные с белым кругом на спине охраняются гораздо строже. Но Леман, видимо, привез сегодня вместе с картофельными мешками и какой-то план. Его маленькие глаза сияли.

— Оба эти товарища ведь спят в бараке № 1, и вы тоже?

Друзья уныло кивнули головой. Они не видели в этом еще никаких утешительных возможностей.

— Барак № 1 пристроен как будто непосредственно к кухне?

Август безнадежно кивнул головой. От этого тоже было мало толку.

— А если бы тут поздно ночью вспыхнул пожар... настоящий пожар?..

Леман не закончил фразы. Его маленькие глазки вопросительно и требовательно переходили с одного лица на другое и звали. Этот зов был почти слышен.

Воцарилась пауза. Август побледнел. Неужели товарищ Леман так легко себе это представляет? Август сразу понял: это будет сделано. И он знал, что это значит пройти через смерть!

Карл и Франц тоже поняли, что это значит большое, трудное, опасное задание. Ставка — жизнь. Но если удастся, — свобода! Свобода!

Леман снова заговорил:

— Пожар должен перекинуться на барак № 1. Подумайте, сколько соломенных матрасов...

— И весь годовой запас топлива тут, в подвале, — начал уже развивать план Карл.

— Послезавтра Шонгауэр празднует день своего рождения. Все офицеры перепьются, — сказал Август.

— Значит — послезавтра?

Август молча и серьезно кивнул головой. Этот день рождения давал кое-какие шансы. Но очень маленькие. Ведь не все же будут на празднестве. А нижние чины — еще более озверелые фашисты, чем верхушка.

— Значит — послезавтра! — торжественно повторили оба друга.

— Если не ошибаюсь, — поднялся Леман, — в тех трех мешках, что я собственноручно приволок, найдутся бидоны с керосином.

Карл потирал руки.

— Я наварю господам офицерам такого пунша, какого они отроду не пивали.

— Итак, товарищи, окончательное решение! В котором часу? В полночь?

— Позднее, — сказал Август. — В час.

— Итак, товарищи, в час ночи. Электрические провода будут перерезаны. Наверху, на шоссе будет ждать грузовик. Одного хватит?

— Вполне, — огорченно протянул Август. — Думаешь, все захотят бежать? И десятая часть не осмелится. Даже если все будет удачно.

Вдруг Леман подошел к повару и обнял его за плечи.

— Но ты ведь уйдешь с нами, Август?

Повар опустил голову и ничего не ответил.

— Ну же, Август?

— Я? — вздохнул повар. — Ну, а что дальше?

— Дальше — новое имя, новые бумаги, новая жизнь! — крикнул ему в самое ухо Леман.

— Ну что же, попробуем. — бормочет Август.

Он не надеется, но готов на все.

— До свиданья, товарищи! Мы это сделаем?!

— Сквозь огонь и смерть! Кровь из горла! Можешь не сомневаться!

ЕЩЕ ОДНА МИНУТА!

— Здорово, Август! — проворчал часовой у дверей квартиры Шонгауэра, когда оттуда незадолго до полуночи вышел повар с пустыми мисками.

— Здорово, Ганс!

Август как бы случайно остановился около недавно сменившегося часового. Часовой потянулся к подносу.

— Все сожрали? Ни черта не осталось?

— Только пунш... целое море... если пожелаешь...

Часовой протянул ему фляжку.

— Раз уж мне надо стеречь эту свинарню... А ну-ка, плесни!

Август вытащил из-под пальто большую жестяную посудину и наполнил фляжку. Этот пунш был мастерским произведением Карла. Он мог бы уложить и вола. Часовой приложился к фляжке:

— Ого! Вот так силища! Хоть согревает малость...

Часовой втянул голову в воротник, руки сунул в рукава. Поднялся ветер, который дул то справа, то слева и гнал густой туман.

— Скажи Паулю, если увидишь, пусть тоже зайдет за пуншем.

— Он дежурит у ворот.

— Ну? — удивился Август. — Жаль!

— Тем вкуснее ему покажется... Отнеси-ка ему глоток.

— А ты можешь прислать Бахмана!

— Он дежурит на сторожевой башне.

— Да ну? — снова сделал Август удивленное лицо.

— Брось! Сегодня и мы поспразднуем!

— А если Латвитц начнет полунощничать?

— Не бойся. Сегодня и он прилип к столу...

— Доброй ночи!

— Доброй ночи!

Кухня была расположена справа, шагах в сорока. Но Август со своими мисками пошел на середину двора. В тени барака № 1 он остановился и огляделся по сторонам, точно интересуясь погодой.

Собственно говоря, он и в самом деле интересовался погодой и, видимо, остался ею доволен, так как удовлетворенно кивнул головой. Этот западный бриз очень кстати. Он раскидает искры во все стороны. А туман, ко-

торый все больше сгущается, появился словно по специальному заказу. Взгляд Августа задержался на дранковых крышах. Вчера по его инициативе с них сбросили весь снег. Талая вода сильно испортила бы дело. С кухонной крыши снег сгребали, разумеется, кухонные мальчишки, при этом было вовсе не трудно незаметно опрокинуть бидон с керосином.

Август, стоя в тени с подносом в руках, рассматривал каждую постройку. Он знал, что видит это в последний раз. Удастся им все это или нет? Он глядел на черные крыши и прощался со своей теперешней жизнью. А может быть, и с жизнью вообще.

Вернувшись на кухню, Август изумленно остановился в дверях: Карл, балансируя широко раскинутыми руками, осторожно переставляя ноги по прямой линии, как канатоходец, шел по узкому жолобу, протянутому над полом. С напряженным вниманием следил он, казалось, только за тем, чтобы не оступиться.

— Что за ерунда! Чем это ты тут занимаешься, Карл?

— Я жду, — ответил он, не сводя глаз с желобка.

Август озабоченно покачал головой.

— Смотри, не теряй самообладания, парень... — сказал он, следя за Карлом и наливая в то же время пунш в огромную жестяную посудину.

— Нельзя же все время глазеть на часовую стрелку и ждать, — сказал Карл, продолжая балансировать. Вдруг он пошатнулся, схватился за стул и закрыл глаза.

Август подскочил к нему, обхватил за талию и поднес ему ко рту пунш.

— Парень, что с тобой? — испуганно пробормотал он. — Пей... теперь нельзя распускаться! Надо взять себя в руки, мой мальчик!

Август почувствовал к Карлу глубокое сострадание. Ведь он, в сущности, еще ребенок, с этими светлыми кудрями и ясными глазами, а должен участвовать в делах, которые и старому солдату нелегко выдержать. Франц, тот крепче.

Карл не выпил пунша. Он снова открыл глаза и улыбнулся Августу:

— Все как по маслу! Незачем сразу так пугаться!

В это время в кухню вошел Франц.

— Ну? — повернулись оба к нему. — Как дела в бараках?

— В порядке. Оба товарища подготовлены. А у вас тут как?

— Все готово.

Все трое посмотрели на часы. Еще четверть часа.

— Я хочу еще раз взглянуть на охрану, —

пробормотал Август и, схватив жестянку, бежал из кухни.

Сначала к комендатуре. Там на ступеньках, зажав ружье между коленями, сидел Ганс. Голова его покоилась на груди. Он спал.

— Ганс! Эй, Ганс!

Этому не потребуется больше пунша.

У ворот стоял только один часовой. Остальные валялись пьяные, где попало. Да и этот часовой стоял уже не совсем прямо. Он прислонился к воротам и, казалось, готов был вот-вот сползти вниз. В повисшей, вялой руке болталась фляжка.

— Еще глоток пунша, Пауль?

Пауль промямлил что-то неразборчивое. Август наполнил его фляжку и пошел дальше.

На сторожевую башню и подыматься не стоило. Все было видно с лестницы. Бахман со своим приятелем лежали у пулемета как мертвые.

Из квартиры Шонгауэра несся шум пьяного разгула.

Когда Август снова вошел в кухню, оба друга, держась за руки, рассматривали фотографию Греты. Взгляд ее больших карих глаз был так серьезен, точно она сама принимала во всем участие.

— Последние пять минут, мальчуганы, — сказал Август.

Карл быстро сунул фотографию в карман. Затем он взял из ведра два пучка пакли, пропитанной керосином, и протянул один из них Францу. В Карле не было и следов прежней слабости. Черты лица были напряжены.

Август достал из своего ящика револьвер и протянул его Францу.

— На, возьми-ка себе. Ты все-таки старше.

Сам он спрятал под куртку три ручные гранаты.

— Так... теперь все.

Все трое смотрят на часы. Еще одна минута.

СКВОЗЬ ОГОНЬ И СМЕРТЬ

Когда над крышей кухни взметнулись первые языки пламени, погасло электричество. Огонь был замечен не сразу. Туман скрывал пламя. О погасшем свете никто пока не беспокоился, потому что на электрической станции в Висмюле частенько бывали неполадки. Еще недавно Гестапо проверяло эту станцию (также как и в Траунштейне). Это не привело ни к каким результатам. Рабочие выполняли свои обязанности точно по предписанию и вели себя тихо. Невозможно было установить, кто виноват в постоянных авариях.

В лагере к этому приспособились. Во всех помещениях повесили на дверях фонари со свечками. Только квартира Шонгауэра оста-

лась в темноте. Там никто не заметил, что свет погас. Все так перепились, что без сознания валялись на полу.

Но через несколько минут залитая керосином кухонная крыша вся была объята пламенем. Ни туману, ни дыму этого больше не скрыть. Ветер разбрасывает искры во все стороны.

— Огонь! — кричит стража в караульном помещении. — Огонь!

Колокол бьет набат. Август Бене, повар, стоит посреди двора и изо всех сил звонит в колокол. Напряженным взглядом следит он за всем, что происходит вокруг него.

Все хозяйственные строения в огне. К дровяному запасу в подвале не подступиться. От нагроможденных тюфяков с соломой и одеял валит такой густой дым, что образует настоящую дымовую завесу, в которой внезапно возникают неясные фигуры, проносятся, дико жестикулируя, мимо и исчезают. Огненный дождь сыплется на все крыши.

В окна барака № 1 падает отблеск зарева и, полыхая, прыгает по длинному ряду темных коек. Заключенные не спят. Они слышат набат. Но двинуться с места еще не решаются. Однако зарево пожара все же спугивает их с коек. Лежащие на верхних нарах садятся, чтобы выглянуть во двор. В нижнем ряду двое заключенных на смежных койках приподнимают головы. Это те двое, с кругами на спине.

— Смирно! — орет часовой в дверях. — Всем лечь!

И все ложатся. Только двое в нижнем ряду приподнялись на локтях, готовые вскочить по первому сигналу.

Из караульного помещения выбежала вся стража. Двадцать человек с примкнутыми штыками. Они построились с молниеносной быстротой. Команды звучат, как удары бича. Нижние чины не ждут, пока очухаются пьяные начальники. Они хорошо вымуштрованы. Все функционирует, как заведенная машина. Стража разбивается на четыре отряда по пяти человек, они разбегаются в разные стороны и исчезают в дыму.

Отряды окружают все четыре барака. Каждый знает свое место. Винтовки направлены на окна.

— Прочь от окон! Будем стрелять!

Раздается выстрел. Звон разбитого стекла. Заключенный за окном падает. Искры сыплются все гуще и чаще. Целые куски горячей пакли носятся по воздуху.

Колокол бьет набат. Август Бене, повар, стоит у колокола и изо всех сил бьет тревогу. И только пьяная компания на пирушке, повидимому, ничего не слышит. В квартире Шонгауэра темно и тихо. Но крыша уже ды-

мится. Да и дым, наполняющий комнату, как будто уже не только табачный дым.

Два охранника подбегают к дверям и хотят войти в квартиру. Дверь заперта. Что это значит? Где часовой? Они находят его спящим у стены. Ни удары кулаком, ни пинки ногами не производят на него никакого впечатления. Его не добудиться. Они пытаются высадить дверь. Тщетные усилия. В комнате начинает полыхать подозрительный огонь. Тогда они револьверными прикладами разбивают окно и силой высаживают оконную раму. Их обдает таким едким дымом, что они отшатываются, но затем, заткнув платками рты, все же лезут в окно.

Вся стража на ногах. Все три пожарных насоса наготове. Когда их провозят мимо Августа, он говорит:

— Ну, от этих штуквин сегодня будет не много толку.

Фразу эту могли услышать, если бы Август не звонил, как сумасшедший, в колокол. Один из охранников даже подумал: «И чего это Август тарыхтит? И так всякий знает, что пожар. Верно, ума решился».

Но голова Августа еще никогда не была так ясна, как сейчас. Он отлично знает, зачем все время бьет в колокол. Из тумана появляется Франц. Друзья заняли позицию напротив барака № 1 и ждали, пока выйдут оба товарища с кругами, чтобы вывести их к воротам. Карл послал Франца к Августу с последними донесениями. А в дыму и тумане, при неверном свете то там, то тут полыхающего красного пламени, Франц не сразу нашел бы повара, если бы не слышал колокольного звона. Вот почему Август и трезвонил изо всех сил. Во тьме, в дыму и тумане они таким путем должны были найти место сбора.

— Первый барак не горит! — прокашлял Франц. — Искры падают, как град. Все бараки оцеплены. Насос работает.

— Не может быть! — вскрикивает Август. — У меня же в кармане все вентили.

— Один насос все-таки работает. К крышам приставлены лестницы. Все на своих постах. Все ладится на славу, будь оно проклято! Даже без офицеров! Что нам теперь делать? — спросил Франц с горьким разочарованием в голосе.

— Только спокойствие, парень! Дай сперва огню как следует разгуляться. Гляди! — протянул вдруг Август руку. Высокое, прямое пламя красным столбом взметнулось сквозь копоть и дым. — Это первый барак! Назад, на свое место!

Франц исчезает, словно скрывшись за вуалью. Август оттирает лоб, потому что становится не на шутку жарко, и снова начинает трезвонить.

Один из часовых первого барака замечает на крыше пламя. А вот бежит и второй с тем же сообщением.

— А заключенные? — беспомощно спрашивает первый.

— Без приказа их выпускать нельзя.

— Беги с донесением.

— А кто отдаст приказ?

Внутри барака еще тихо. Но уже беспокойно. Трепещущее зарево пожара пляшет вдоль ряда коек. Заключенные еще лежат. Но они беспокойно ворочаются во все стороны.

— Дым! — шепчет вдруг один.

— Дым! — вскрикивают двое.

— Потолок трещит! — громко говорит один.

— Барак горит! — раздается крик из заднего угла. И все разом, точно вытолкнутые одной пружиной, внезапно поднимаются со своих коек.

— Барак горит! Барак горит!

Восемьдесят человеческих фигур в рубашках и кальсонах соскакивают в паническом страхе с нар. Отовсюду лезут люди. Дикая мешанина рук, ног, голов, озаряемых пляшущим заревом. Шелкает выстрел, и зычный голос рычит:

— Спокойно! Всем лежать на местах, иначе буду стрелять.

Бледные фигуры в белом нижнем белье останавливаются, точно окаменев. Они не ложатся по местам. Они не двигаются.

С нижней койки вдруг осторожно подымается один заключенный. Он совершенно одет. Он так и лежал в постели. Легонько толкает он своего соседа. Тот вылезает из-под одеяла. Он тоже одет. Они напряженно смотрят на потолок. Вот! Что-то тонкое и голубое выющейся змейкой пробегает вдоль балок и... исчезает.

И вдруг светлый, отчетливо видимый дым, точно вдуваемый через какие-то трубки, бьет с потолка. И с треском обрушивается дождь искр.

Вырывается дикий рев:

— Пожар! Горим! Пустите!

Заключенные лезут, ползут, бросаются на дверь, сцепившись в клубок. Некоторые нары начинают тлеть. Горящая солома разлетается по воздуху. Искры и горячая зола падают на волосы и на голое тело. Отчаявшаяся, воющая толпа в густом дыму штурмует дверь. Тщетно пытается стража заложить снаружи дверь железной штангой. Дверь высаживается. Заключенные выбегают босиком, в нижнем белье на занесенный снегом двор. Они разбегаются во все стороны и рассеиваются в дыму и тумане.

Колокол бьет набат.

Часовые у горящего барака № 1 пытаются

согнать своих заключенных на середину двора. Некогда сейчас пересчитывать их. Как будто все налицо. Дрожа от страха и холода, стоят полуголые и босые люди на снегу, прижавшись друг к другу, как овцы во время грозы. К ним пригоняют новых. Они топчутся на одном месте, увязая по голые щиколотки в снегу, который в некоторых местах начинает от жары таять. Крупные искры, дымясь, пробивают в нем закоптелые дырки.

Колокол бьет набат.

Группа заключенных бежит сквозь туман и дым на звук колокола. Это Карл и Франц, это товарищи Хефнер и Бирквальд с кругами на спине и еще десять заключенных, которых в спешке и суете удалось организовать. Они исчезают в дыму и тумане.

* * *

Из разбитого окна квартиры Шонгауэра выволакивают пьяных офицеров, как мешки с мукой, и оттаскивают в сторону. Исполинского Шонгауэра с трудом тащат четыре человека. Последним выносят Латвитца. С какой-то звериной энергией, шатаясь, встает он на ноги.

— Все к оружию! — хрипло рычит он. Затем снова опрокидывается и во всю длину растягивается на земле.

Команда Латвитца несколько запоздала. Вся стража была на ногах. Но два насоса почему-то бездействовали. Приходилось тушить пожар ведрами. Тут уж каждая пара рук была на счету.

У ворот остался только один часовой. Но и тот не держится на ногах. Он сидит на корточках, а его автоматический пистолет валяется рядом на снегу. Глаза его открыты, но от дыма они слезятся. Что это там, в тумане? Люди? Бегут заключенные? Охранник Пауль машинально хватается за свой пистолет. Он медленно встает, пошатываясь. Вдруг перед ним вырастает повар Август.

— Эй, Пауль, — говорит он, — давай-ка сюда твою пушку да натри снегом морду, выбей хмель из головы и подыми своего приятеля. Латвитц рыщет вокруг, и будет скандал. А я пока посторожу тут вместо тебя.

Пауль испуган. Он охотно передает оружие, чтобы привести себя в порядок. Он валится на сторону и набивает рот снегом. Его тошнит.

Август с автоматическим пистолетом в руках кричит:

— Назад, негодяй! — и выпускает несколько залпов в воздух. Затем он вытаскивает из-за пазухи две ручные гранаты, обрывает шнур и подкладывает их под ворота.

Взрыв!

Еще один взрыв!

Трехметровые, громадные створки ворот вначале шатаются, затем одновременно склоняются наружу и падают с глухим стуком. Группа заключенных проносится в ворота и мчится наискось через поле, к шоссе. Каждый знает, куда бежать. Вскоре они исчезают в тумане. Август стоит у ворот с автоматическим пистолетом, дожидаясь, пока все пробегут. Вот и последние — Карл и Франц. А там — свобода!

— Ну, а теперь живо! — кричит Август и хочет бежать. Но Карл удерживает его.

— Что случилось?

— Август! Тюремный барак горит!

— Ну и что же! Поживей!

— Те, кто там заперт, сгорят заживо!

— Теперь только вспомнили? Сопляки!

— Беги, Август! — с болью кричит Карл. — Мы должны сначала освободить товарищей!

Карл сказал: «мы». Он подразумевал себя и Франца, даже не спрашивая его согласия. Он ни минуты не сомневался, что его друг останется с ним.

И вот уже Карл бежит назад во двор. Он даже не оборачивается. Он знает, что Франц следует за ним.

Август на мгновение точно прирос к месту. Он смотрит за ворота, вдаль, на свободу, на свою новую жизнь. Все это скрыто пеленой тумана. Он смотрит назад, во двор, вслед убежавшим юношам. Затем, точно от внутреннего толчка, он поворачивается и бежит в лагерь за своими кухонными подручными.

Кругом уже пылают все крыши. Дым и туман висят в воздухе, как затканые искрами густые вуали. В пяти шагах ничего не видно. И потому никто не заметил троих людей, которые, подобрав по дороге топор и долото, яростно обрабатывают дверь тюремного барака.

В пяти шагах ничего не было видно. Но было хорошо слышно. Слышен был взрыв ворот. И этот взрыв разбудил не только пулеметчиков на сторожевой башне, но и неподвижно лежащего на снегу Латвитца.

При взрыве ворот все тело Латвитца вздрогнуло. Теперь он встает на колени. Он трет снегом лицо и голую грудь. В нем вскипает яростная, дикая воля. Он встает. Он стоит твердо на ногах, как будто никогда не был пьян и не терял сознания. Правда, в дыму и тумане ему тоже ничего не видно. Но по расположению огненных снопов он сразу устанавливает, какие постройки охвачены огнем. Он распоряжается холодно и умно.

— Заключенных из барака № 1 согнать в третий барак! — кричит он и прислушивается. Он слышит трескотню пулеметов на сторожевой башне.

— Тех, кто шляется по двору, расстрели-

вать на месте! — ревет он в исступлении. — Охране первого барака немедленно занять ворота!

Один из охранников бежит передать приказ.

* * *

«Стоячие гробы» (так в тюрьме назывались камеры, такие тесные, что человек мог в них только стоять. Сесть он не мог. Стоило ему подогнуть колени, как они наталкивались на противоположную стенку) были открыты. Август и его двое помощников бросают долото и топор.

— Теперь — единым духом! Если еще не поздно!

— Не все сразу! — говорит Август.

— Ты первый, Август! — подталкивает его Карл. — Каждый ждет полминуты!

Август бежит и исчезает в дыму.

Латвитц в густых клубках дыма видит мелькнувшую тень.

— Стой! — ревет он и стреляет вслед. Латвитц бежит и стреляет.

Взорванные ворота все еще без охраны. Август выбегает из ворот.

Пулемет на сторожевой башне тарыхтит ему вслед.

«Бахман стреляет, — подумал, падая, Август. — Бахман даже не знает...»

— Беги, Франц! — подталкивает Карл своего друга. — Осторожно! Может быть, лучше — не бегом!

Франц исчезает в дыму. Карл, затаив дыхание, впивается глазами в темноту.

Выстрел! Еще один выстрел!

Вдруг Франца точно ударила мысль, что вот он оставил Карла одного. Эта мысль держит его, как петля, опутавшая ноги. Но ведь через полминуты Карл последует за ним. Что может произойти за полминуты? Потом они побегут вместе. Дым и туман сгущаются. Теперь и Карл мчится к воротам.

Вдруг, точно из-под земли, вырастает из тумана чей-то темный силуэт. Карл хочет увернуться. Но темная фигура гонится за ним. Настигает. Обхватывает его. Это Латвитц. Он больше и сильнее и без того уже уставшего семнадцатилетнего паренька.

— Стой! — режет его крик. — Теперь попался, телячье рагу!

Латвитц, как в тисках, держит руки Карла и волочит его по двору сквозь густой дым.

— Ты думаешь, что я тебя сейчас прикончу? — приговаривает он. — Нет! Мы тебя прибережем, мальчуган! Тебе предстоит нечто совсем особенное!

Карл отчаянно сопротивляется. Но это не помогает. Латвитц дотащил его до горящего

Франц схватил валявшийся на земле топор...

тюремного барака. Карл начинает понимать: Латвитц хочет его запереть в «стоячий гроб». Карл упирается ногой в столб и толкает Латвитца. Он борется из последних сил. Но чувствует, что начинает сдавать.

Вдруг он слышит звенящий крик из тумана:

— Карл, где ты?

— Здесь! — кричит он во всю силу своих легких. — Здесь!

Латвитц уже вдавил его в горящую камеру, когда позади него вынырнул Франц.

Когда Франц схватил топор, валявшийся на земле, в его мозгу пронеслась мысль о том,

что он еще никогда не убивал человека. Но эта отдаленно и чуждо промелькнувшая мысль не затормозила его движения даже на долю секунды...

Когда Франц и Карл добежали, наконец, до шоссе, они нашли там только Лемана с мотоциклом. Грузовик с беглецами уже давно уехал. Разумеется, с теми, кто благополучно до него добрался. Многие остались лежать на дороге, в том числе и Август.

Леман усадил свой «кухонный персонал» на мотоцикл и понесся прочь от охваченного пожаром лагеря.

Песня Максима

На мотив «Крутится-вертится шар голубой»

А. ГИТОВИЧ и В. ЛИФШИЦ

Десять винтовок
На весь батальон,
В каждой винтовке
Последний патрон...
В рваных шинелях,
В дырявых лаптях
Били мы немца
На разных путях...
Всю Украину
Он грабил и жег,
Так что за нами
Остался должок...
Час подошел —
Наступила война, —
Время, друзья,
Расплатиться сполна!

Вот эта улица,
Вот этот дом
В городе нашем —
Навеки родном.
Улицей этой
Врагу не пройти,
В дом этот светлый
Врагу не войти!
Пушки и танки
Фашистов громят,
Летчики наши
На запад летят...
Черного Гитлера
Подлая власть
Крутится-вертится,
Хочет упасть!..

Язык мой—враг мой

Тайна во время войны — великое дело. Сохраненный от врага секрет — половина победы. Выданная ему по неосторожности или по злему умыслу тайна — три четверти поражения. Это легко подтвердить примерами из недавнего прошлого.

В 1914 году у входа в Финский залив был подбит и затонул на мелком месте немецкий крейсер «Магдебург». Часть команды спас немецкий же миноносец, другая часть погибла. На крейсере, как и на всех судах, имелась секретная книга условных радиосигналов, переплетенная в тяжелую свинцовую обложку. Надеюсь, что книга эта, если ее выбросить за борт, пойдет ко дну, команда так и поступила, забыв во время паники, что судно сидит на мели.

Русские водолазы тщательно обыскали дно вокруг крейсера и нашли это собрание важнейших документов. С тех пор каждую радиограмму немцев без труда расшифровывали и понимали и в России и в Англии. Любые операции немецкого флота, в какой бы тайне их ни готовили, становились заранее известными.

В те же дни другой немецкий крейсер «Эмден» разбойничал в Индийском океане. Его командир опасался приближаться к бойкой морской дороге

Коломбо—Аден: он предполагал, что там его ждут англичане. Неожиданно радисты «Эмдена» поймали незашифрованное английское радио: «Путь Коломбо—Аден совершенно свободен». «Эмден» бросился туда, и выданная тайна послужила причиной гибели множества судов с продовольствием, снарядами и людьми.

Таких примеров можно привести тысячи, но, пожалуй, нет смысла умножать их: и без того ясно, что выдача врагу явно военных секретов — страшное преступление. И тот, кто его совершает, должен понести достойное наказание.

Однако секретные документы хранятся особо бережно. Они не являются достоянием всех и каждого. Их знают, ими пользуются только люди, обязанные отдавать себе полный отчет в той ответственности, которая на них лежит. Понятно поэтому, что только опытным шпионам, и то после многих усилий, удается порою раздобыть их, и только сознательный предатель, негодяй и трус может передать их врагу.

Но есть военные секреты не меньшего значения, которые держит в руках и может, сам того не замечая, выдать противнику каждый из нас, любой гражданин. О них мы сейчас и расскажем.

„Лоханка“ и „выдра“

Сооружая во время войны 1914—1918 гг. первые бронированные машины на гусеничном ходу, англичане больше всего боялись, чтобы сведения о них не дошли раньше времени до врага. Конечно, место, где строились эти машины, можно было оцепить караулами, преградить доступ туда подозрительным людям, уберечь от шпионов. Но труднее было добиться другого. Сотни людей, занятых на постройке, — один по глупой хвастливости, другой по неосторожности, — могли вынести секрет за пределы любых караулов. Как с этим бороться?

Англичане решили, что обмануть немцев можно, только обманув самих строителей. И вот был пущен слух, что сооружаются большие передвижные цистерны — «баки», «лоханки» — на гусеницах.

Те, кто строил танки, поверили этому. И немецкие шпионы, аккуратно донося со слов болтунов, что такой-то английский завод строит «тан-

ки» (слово «танк» по-английски значит «лохань», «бак»), не придавали этому никакого значения. Обман удался.

Совершенно так же новоизобретенное приспособление для борьбы с вражескими минами — «параван» — было окрещено сбивающим с толку именем «оттер», т. е. «выдра». И немцы не обратили внимания на изготовление каких-то «выдр».

Все это приходится делать потому, что из нас мало кто умеет «держат язык за зубами». Очень многим кажется: ну, что плохого, если я расскажу своему лучшему другу о сюрпризе, который готовится для врага. Во-первых, это поднимет настроение моего друга; во-вторых, он не болтун, а в-третьих, если он даже кому-нибудь и сообщит об этом, как могут эти сведения дойти до врага? Пока они будут переходить из уст в уста, пройдет много времени, и они устареют.

Математика сплетни

Представьте себе, что вы узнали сенсационные сведения: завтра наш флот выходит в море громить врага. Час спустя вы радостно сообщаете об этом только двум лучшим своим друзьям, столь же надежным, как вы сам. Вы просите их никому не говорить об этой важной тайне. Но каждый из них час спустя передает эти сведения тоже только двум лицам, не менее верным, каждое из этих лиц — снова двум и т. д. И вот четырнадцать часов спустя об этом будут знать уже 32 768 человек!

Можете ли вы поручиться, что среди них не окажется ни одного врага?

В 1914 году, в самом начале войны, швейцар одного из лондонских вокзалов, выйдя ночью на платформу, увидел эшелон с солдатами в странной форме. Они говорили не по-английски и не по-французски...

Возбужденный швейцар, прибежав домой, рассказал жене:

— Русские прибыли в Лондон! Русские нас спасут! Я сам видел их!

Жена сообщила радостную новость сестре и матери, те еще кому-то... Четыре дня спустя в немецкой ставке перед генералом Мольтке лежало несколько донесений от шпионов. «Бся Англия говорит о прибытии в Лондон крупных русских частей».

Курьезно в этом случае то, что никаких русских в Лондоне в те дни не было: простодушный швейцар принял за русских шотландский полк. Но представьте себе, что произошло бы, если бы на самом деле это были русские дивизии, тайно переброшенные в Англию. Одно слово простофили-болтуна раскрыло бы весь секрет, выдало бы все планы союзников врагу.

Секрет на весь свет

Знаменитый русский химик Д. И. Менделеев посетил однажды французский военный завод, вырабатывавший лучший в мире порох. Русское правительство было очень заинтересовано в составе этого пороха, но он был секретным. Менделееву очень любезно показали весь завод, но о том, из чего делается порох, и не заикались. Держа в руках несколько патронов, ученый по-лушутя спросил у сопровождавшего его офицера:

— Скажите, мсье лейтенант, а нельзя ли взять парочку с собой на память?

— О, пожалуйста! — галантно поклонился француз. — Возьмите, сколько хотите. Только мне придется застрелиться через час после вашего отъезда.

Менделеев, улыбнувшись, бросил патроны на стол и уехал. Лейтенант поспешил всем рассказать о своем остроумии, о том, как он сохранил военную тайну.

Менделеев же, прибыв в Париж, взял железнодорожный справочник, нашел ту железнодорожную ветку, на которой находился завод, и принялся изучать какие грузы и в каких пропорциях шли туда. О порохе там не было ни слова, но все его составные части были указаны. Несколько дней спустя великий химик рассчитал состав секретного пороха и сообщил его своему правительству. Лейтенант остался жив, а секрет пороха выболтал небрежно составленный железнодорожный справочник.

Добровольные корректировщики

Готовясь обстреливать Париж за сто двадцать километров из сверхдальнобойной пушки, немцы очень беспокоились: кто же будет корректировать их стрельбу? Париж — огромная цель, промахнуться трудно. Но было бы очень хорошо знать, где именно упадут снаряды: в центре, на окраинах или на пустырях?

Правда, немецкому командованию удалось перебросить для этого в Париж шпиона. Однако было ясно, что сведения от него будут запаздывать и вообще попадут с трудом.

Какова же была радость немецких артиллери-

стов, когда тотчас после первых выстрелов во всех французских и нейтральных газетах появилось множество телеграмм: «На такой-то улице упал снаряд», «Бомба разорвалась в таком-то предместье».

Услуги шпиона оказались излишними. Французские журналисты, не представляя себе, что это является военной тайной, выдали врагу важнейшие сведения, помогли корректировке стрельбы. Прошло немало времени, пока глупым болтунам догадались заткнуть рты...

Твердо храни тайну

В 1916 году, готовясь к победоносному наступлению на немцев, генерал Брусилов был вызван к царице Александре. Немка по происхождению, Александра, беседуя с Брусиловым, разыгрывала искреннюю русскую патриотку. Она прикинулась очень жалостливой и заявила:

— Я женщина религиозная! — сказала она. — Я хочу молиться за солдатиков. Но мне нужно знать, где вы будете наступать.

Опытный воин и честный русский патриот генерал Брусилов заподозрил искренность этих молитв и наотрез отказался сообщить место наступления даже жене царя.

— Я с юности приучил себя, ваше величество, выходя из штаба, забывать все, что я там узнал. Я не помню, где мы будем наступать, и не могу помнить.

Ни просьбы, ни гнев царицы не помогли. Тайна осталась тайной и принесла победу.

Сейчас, во время войны Советского Союза с гитлеровской Германией, уже много раз сообщалось о героях-красноармейцах, даже под страшными пытками, даже перед лицом смерти не выдавших военной тайны врагу. Так ведут себя истинные герои и патриоты.

А мы?

Будем же и мы достойны своего времени. Все вокруг нас должно быть тайной. Ведь число бань и парикмахерских в городе помогает судить о темпе мобилизации! Сведения о качестве дорог, грунтовых и шоссежных, об урожае хлеба, овощей, фруктов, о засухе и о дождях — все это может быть полезно врагу. Никто из нас не знает заранее, что является тайной и что нет. Очень часто то, что представляется нам пустяком, может оказаться существенно важным для врага. Поэтому каждый из нас сейчас должен быть вдвойне, втройне осторожным.

Во время войны, больше чем когда бы то ни было, «молчание — золото». Во время войны надо как можно меньше болтать и как можно больше делать. Никаких разговоров на улицах, в общественных местах, никаких «дружеских» бесед с малознакомыми и незнакомыми людьми о том, что имеет хотя бы косвенное отношение к войне.

Но и этого мало. Надо не только уметь молчать самому. Надо и другим не позволять разбалтывать тайну. Останавливай болтунов, предупреждай неосторожных, обращай внимание взрослых на «любителей послушать интересные новости». Этим ты принесешь родине столько же пользы, сколько боец, сражающийся на фронте.

ШЕСТИНАДЦАТЬ ОТВАЖНЫХ

Когда первые отряды врага начали перебрасываться на советские земли, у широкой реки их встретили шестнадцать наших пограничников.

Шестнадцать совсем молодых, безусых парней. Только одному из них с капитанской шпалой в петлице перевалило за тридцать.

Но даже самому молодому и неопытному, Васе Сахарову, вчера прибывшему в часть, сразу было ясно: сил у врага больше. Одно мгновение у него даже мелькнула мысль: надо отходить или — смерть. И сразу онемели мускулы и стало горько во рту. Сахаров испуганно взглянул на капитана.

Капитан, казалось, ждал этого взгляда. Он оторвался от полевого бинокля и вдруг улыбнулся Васе. Улыбнулся одним ртом, глаза капитана были задумчивы и строги.

В улыбке и взгляде командира — одобрение, каждый из пятнадцати красноармейцев почувствовал в это мгновение напоминание о долге. И каждому показалось, что капитан улыбнулся ему одному.

— Спокойно, товарищи! Целиться лучше, — сказал так спокойно капитан, как будто дело шло об учебной стрельбе. Он отложил бинокль, взял винтовку и подал команду:

— По врагам родины — огонь! — И выстрелил первый.

Шестнадцать голов припало к прикладам. Шестнадцать пуль помчалось навстречу врагу. Потом еще и еще...

Сахаров выстрелил одновременно с другими. После первого же выстрела к нему пришло не испытанное еще никогда в жизни спокойствие.

А капитан, продолжая стрелять вместе с другими,

успевал одновременно и целиться, и отдавать распоряжения.

И первая, затем вторая, третья группы врага одна за другой поспешно покинули поле битвы, кроме тех, кто уже не мог сам двинуться с места.

Капитан вначале часто поглядывал в сторону Васи. Он заметил и тревожный взгляд Сахарова, брошенный на него, и внезапную бледность.

Но Вася недолго беспокоил капитана. Капитан увидел, как быстро взял себя Сахаров в руки, как целился долго, затаив дыхание, как стрелял, снова быстро щелкая затвором, и снова целился.

«Будет снайпером», подумал он и взглянул на Васиного соседа.

Сосед Васи, украинец Приходько, низкорослый, крепкий, стрелял без перерыва и после каждого выстрела что-то сердито ворчал себе под нос.

Когда была отбита восьмая по счету атака, — казалось, настал перерыв. Казалось, враги оставили попытки перейти советский рубеж.

Все пятнадцать человек были невредимы, и только Приходько, засучив рукав рубашки, деловито и не спеша, как все, что он делал, перевязывал левую руку. Капитан подполз к нему, но Приходько только махнул здоровой рукой и сказал:

— Ничего. Я еще доберусь до их печёнки.

В эту самую минуту наблюдатель сообщил:

— Товарищ капитан, высадился десант в триста человек.

Капитан, помогавший Приходьке перевязывать руку, так и не понял, чья рука дрогнула — его или бойца. И в то же мгновение мелькнула мысль: смерть. Руки на миг стали чужими, непослушными. Капитан повернул голову к бойцам и встретил пятнадцать пар

глаз, смотревших на него в упор. Пятнадцать лиц с тем же выражением, которое он недавно видел у Сахарова, смотрели на него.

Но Сахаров теперь казался спокойнее других. И капитан понял, что Вася уже пережил свою минуту страха.

На четверть секунды капитан закрыл глаза, собрал мысли, и этот короткий промежуток показался всем очень длинным.

— Товарищи, — мягко сказал капитан, и это слово прозвучало так, как будто бы он назвал каждого самым любимым и родным именем.

— Ну как, товарищи? — снова спросил капитан и по глазам увидел, что ответ уже у всех готов.

— Будет как по уставу, товарищ капитан! — ответил за всех украинец Приходько.

Капитан улыбнулся всем лицом.

— Поздравляю вас с честью! Мы умрем за самую прекрасную в мире родину. За наши поля, леса, за наших детей, отцов и матерей, за советскую власть! Потомки нам будут завидовать, Вася. — Он впервые назвал по имени молодого бойца и провел рукой по рукаву его гимнастерки. Потом быстро приказал: — Подготовить гранаты, проверить винтовки, ни шагу назад, биться до последнего, до последнего, товарищи! . .

И когда ринулись враги, шестнадцать бойцов встретили их таким огнем, что фашистская колонна не вы-

держала и отпрянула назад, решив, что к красным подошло подкрепление.

Через несколько минут немцы снова бросились в атаку. Они уже почти достигли окопавшихся бойцов, но гранаты заставили их снова повернуть назад, и они побежали быстрее, чем только что шли в атаку.

Подступ к возвышенности, где окопались красноармейцы, сплошь покрылся трупами. Снова и снова бросались на приступ враги и каждый раз поворачивали назад.

Наступили сумерки. Капитан уже не видел лиц своих бойцов, но он чувствовал, что они стоят рядом, что они держатся и будут держаться до последнего. Это чувствовали и враги. И, прежде чем подоспело подкрепление, они переправились через реку и отступили на свою территорию.

Вначале казалось, что это маневр. Но потом капитан понял: фашистские нервы не выдержали советского огня. И тогда, сам раненый, он обошел бойцов. Только четверо остались невредимыми. Среди них был Вася Сахаров. Шестеро были ранены, остальные не шевелились.

Рядом с Сахаровым лежал Приходько. Он широко раскинул уже заочневшие руки, крепко обнимая ими землю, за которую он отдал жизнь. Капитан снял фуражку и, глядя на Приходько, сказал, обращаясь к бойцам:

— Победить может только тот, кто не боится умереть за родину! Поздравляю с победой, товарищи!

НАРОДНЫЕ ОПОЛЧЕНЦЫ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

От полярной избы и до юга страны
Все услышали Сталина речь,
Эта речь пронеслась над полями войны,
Чтобы народное сердце зажечь.
И повсюду поднялся советский народ.
Ополченец оружие берет,
Как в году девятнадцатом, выйдя в поход,
Как в великий двенадцатый год!
И, оставив труды свои, дом и уют,
В перекличке уже боевой
Ленинградские люди к оружию встают
Над священной и вольной Невой.
Никогда еще город так не был хорош,
Как сейчас, в тишине вечера,

Когда встали в ружье, как его молодежь,
Седоусых цехов мастера!
Снова светит нам солнца геройского лик,
Дней ли Пулкова дальний костер,
Снова Ленинский видится нам броневик,
Над которым он руку простер.
Снова Киров идет, проверяя посты,
Ополченцев обходит ряды,
Слово Сталина снова летит с высоты,
С Красной Горки, с приморской гряды.
И боец запекает о городе песнь:
Мы не будем о битвах гадать,
Мы родились, любили, работали здесь —
Этот город врагу не видать!

З Е Н И Т Ч И К И

Издали в синеватой утренней дымке виден город. Сотни заводских труб, тысячи домов, сады, площади, улицы и снова дома, бесконечные ряды домов, и в каждом доме, в каждой квартире живут люди.

Еще очень рано, но город уже не спит. Люди работают на фабриках, на заводах, на улицах, слушают радио, на ходу звенит трамвай и мчатся машины.

И в этот ранний утренний час высоко вверху, в стороне показалась стальная птица. Она плывет по воздуху, почти невидимая снизу, маскируясь за тучками, и быстро приближается к цели. Эта птица послана врагом. Это — враг.

Еще несколько минут — и на улицы города упадут бомбы. С каждой секундой виднее цель. Город кажется беззащитным. Кажется, что он не подозревает о надвигающейся опасности. Враг уже предвкушает легкую победу над беззащитным противником. Ревут моторы...

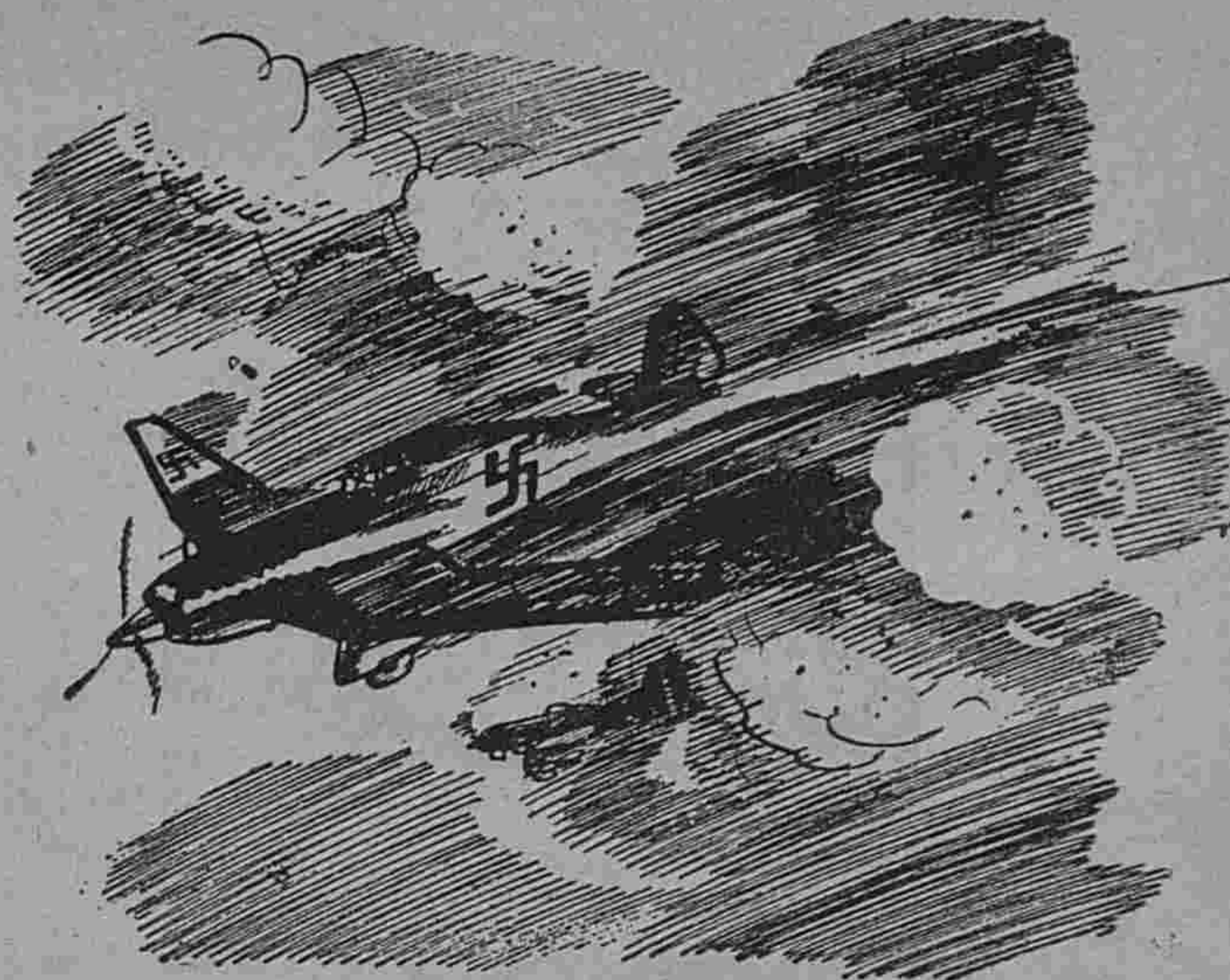
А внизу, далеко за чертой города, притаились люди. Их нельзя заметить не только с воздуха, но даже и вблизи они не видны.

Это зенитчики. Они видят все и слышат все, что происходит в воздухе. Для этого на батарее установлены самые сложные точные приборы.

— Приготовиться к заградительному огню, — приказывает лейтенант. — Зона... Высота... Заряжай боевыми!

Бойцы используют каждую долю секунды. Они движутся как автоматы. Но в груди каждого «автомата» бьется большое мужественное сердце советского человека.

Приборы мгновенно ловят цель. С дальномера сообщают высоту, а затем слышится ревун. Из жерл орудий вылетает огненная масса. Снаряды образуют в воздухе плотную стену заградительного огня. Залпы следуют один за другим. Дружно и слаженно работают бойцы.

Но вот вражеский самолет метнулся в сторону, потом в другую, рассчитывая найти щель и проскочить. И вдруг он круто поворачивает и уже мчится обратно.

В полночь в воздухе опять стало беспокойно. Пользуясь темнотой, враг трусливо, по-шакальи подкрался к нашим берегам. Больше десятка бомбардировщиков намеревались прорваться к городу и сбросить бомбы. Уловка врага замечена во-время.

— К бою! — слышится команда.

Через какую-то долю секунды раздаются донесения:

— Первая согласована!

— Вторая согласована!

— Третья согласована!

— В районе острова Н. слабый звук мотора, — докладывает телефонист-краснофлотец Михайлов.

— Включить ток! — приказывает командир батареи. В ответ послышалось коротко:

— Есть, ток!

И снова ревун, и снова грозные орудия образуют стену заградительного огня.

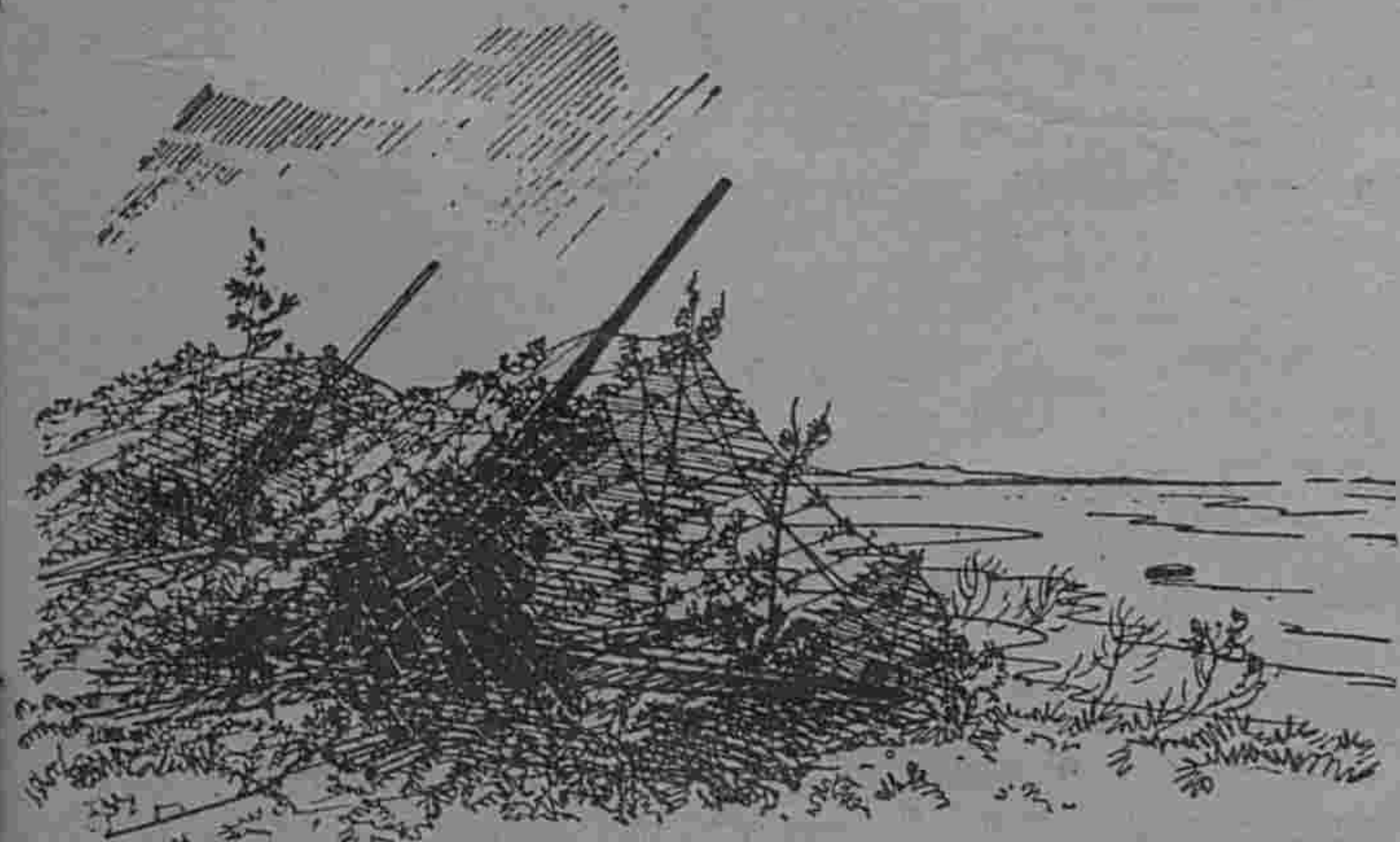
Самолетов не видно из-за темноты. Но зенитчики точно знают, где они.

Воздух наполнен взрывами снарядов. Небо озарено вспышками ракет...

Нет, враг и на этот раз не был допущен в город. Зенитчики отразили налет противника. Самолеты фашистов трусливо повернули назад. Они решили по добру-поздорову добраться до своей базы.

На этот раз им не повезло. С соседней батареей моментально открыли огонь. Видно, как закувыркался один бомбардировщик, падая вниз. За ним последовал другой, третий...

И когда снова показалось раннее летнее солнце, в утренней дымке высился советский город с домами, площадями, музеями, фабриками и заводами. По улицам спешили советские люди, и лица у них были спокойные. Они знали: защита города в надежных руках.

А. В. Трипольский.

Начало военных действий против белофиннов застало нас в одной из южных баз Балтийского моря, где зима наступает поздно.

Мы получили приказ идти в Ботнический залив.

В Финском заливе мне, да и каждому советскому моряку, известен каждый камень, каждая бухта, любой фарватер и узкость. Но Ботника...

Надо было разведать, где тут фарватеры, где мели, береговые батареи и минные заграждения. Приходилось идти наощупь, с большими предосторожностями.

Вахтенный обнаружил на горизонте дым. Поднявшись в рубку, я определил, что встречным курсом идет большой транспорт. Название на его борту было закрашено. Полинявший, истрепанный флаг (также уловка) походил на грязную рваную тряпку.

Я решил действовать в надводном положении. Охраны у транспорта не было, а потому жалко было тратить торпеду. Можно было потопить его артиллерийским огнем.

К тому же артиллеристы наши — замечательные знатоки своего дела. На учебных стрельбах мы не раз получали одобрение командования.

Как только прозвучал первый выстрел, транспорт переменил курс и стал удирать.

— Разбить мостик! — приказал я командиру орудия.

— Есть, разбить мостик! — ответил товарищ Костырной.

И первый его снаряд начисто срезал мостик у транспорта.

С транспорта начали спускать шлюпки. Второй снаряд артиллериста разбил носовую часть чуть выше ватерлинии.

БОЙ С САМОЛЕТАМИ

Рассказ Героя Советского Союза капитана
3-го ранга А. В. ТРИПОЛЬСКОГО

Уже темнело, и нужно было торопиться, чтобы не дать вражескому кораблю укрыться в безопасном месте.

Третий снаряд ударил прямо в борт, и корабль накренился. Куски обшивки полетели в стороны, и транспорт начал медленно погружаться на глазах своей команды, на шлюпках уходившей в гавань. Мы двинулись дальше, но вскоре нам сообщили по радио, что проход в Ботнику минирован. Почти одновременно нас обнаружили белофинские торпедные катера. Лодка немедленно погрузилась, но погода была тихая, и след перископа был особенно заметен: сзади оставалась узкая пеннистая борозда.

Перископ убрали и пошли вслепую. Катера долго не оставляли нас в покое. Мы явственно слышали рокот их моторов.

Положение было сложное. Вокруг торпедные катера, камни. По курсу — минное поле. Что тут делать?

Изредка, хоть на мгновение поднимая перископ, я изучал район.

И вот я увидел целый караван белофинских транспортов, шедший под охраной катеров и тральщиков.

Караван передвигался медленно, уверенный в своей безопасности, уверенный в том, что фарватеры нам не известны. Они нам действительно не были известны. Но найти их было необходимо.

И тут мне в голову пришла простая мысль: караван-то ведь движется по фарватеру!

Проход сквозь минное поле, конечно, хорошо известен белофинскому лодману.

Я и лег в кильватер последнему кораблю, замыкавшему караван. Погода сильно засвежела, и ветер

усилился до семи баллов. Мы опять шли на перископной глубине, но пена волн делала невидимым след от перископа. К тому же катера, боясь разбиться о камни, ушли в гавань.

Так постепенно я не только отыскал безопасный проход, но и нанес его на карту, немедленно сообщив координаты фарватера командованию флотом.

Впоследствии этим проходом неоднократно пользовались наши подводные лодки.

Шторм доходил до девяти баллов. Резкий норд-вестовый ветер бил в лицо. Лодка шла тяжело, так как недавно приняла запасы горючего.

Понадобилось открыть на верхней палубе пробку для откачки отработанного масла. Вызвался краснофлотец Алексагин. Его закрепили тросом, и он отправился наверх. Волны сбивали смельчака с ног, он падал, но полз дальше. Огромной силы волна накрыла лодку, и трос лопнул.

Падая за борт, Алексагин успел ухватиться за леер и вскарабкался по скользкой палубе. Его снова обвязали тросом, и он все-таки сделал то, что хотел, но он так натер о леер свои ладони, что они были покрыты волдырями, словно обожженные.

Между тем мы подошли к другому минному полю. На море началась пурга, и видимость окончательно испортилась. Начался снегопад. Определиться не было никакой возможности.

Наконец за пеленой снега открылся разрушенный белофинский маяк. Ага, значит, уже можно, хотя и не вполне точно, но определить, где мы находимся.

Для того, чтобы точнее определиться, я прижался к самому маяку, — прошел совсем рядом с островком. Лодку ударило о грунт (здесь было очень мелко) и выбросило на поверхность.

У маяка стояла в дозоре белофинская канонерка. Она настолько мелко сидела в воде, что могла проходить там, где лодку ждала неминуемая гибель на камнях. Именно поэтому белофинны поручали канонеркам охрану шхерного района.

Канонерка пошла прямо на нас, чтобы форштевнем протаранить лодку. Опуститься ниже ее киля невозможно — дно. Свернуть в сторону — отмель. Атаковать!.. Но ведь если канонерка обстреляет подводную лодку, каждое попадание — гибель. Если же мы ее обстреляем и попадем даже четыре-пять раз, она еще останется некоторое время на плаву.

Однако выбора нет. Отдаю команду: «К бою!» и иду прямо на канонерку под перископом.

Расстояние между нами сокращается. Вот уже осталось несколько десятков метров. Я чувствую, что канонерка успеет нас протаранить раньше...

Но вдруг глубина увеличивается, и мы получаем возможность нырнуть, уйти под воду.

Погружаясь, я слышу, как канонерка проходит над нашей лодкой, едва не ударяя ее килем.

В лодке сильно понизилась температура, так как на море двадцать градусов мороза.

Море у берегов замерзло, и нам пришлось около двадцати пяти миль пройти подо льдом.

Наконец вышли к разводьям. Поднялись. Но вскоре лед опять перешел в сплошной, и лодка, задерживаясь между пловучих льдин, примерзала к их краям.

И все-таки над водой оказалось пробираться легче. Так мы прошли сто двадцать миль.

Работали оба дизеля, но ход лодки не превышал двух-трех узлов.

Рубка лодки ясно выделялась среди белой ледовой пустыни. Нас легко было заметить.

И это случилось очень скоро.

— Слева два самолета, триста-четыреста метров высоты, — доложил лейтенант Лаврищев.

Надо сказать, что положение подводной лодки, застигаемой льдом, было весьма серьезным. Маневрировать нельзя, а попасть в нас с воздуха очень легко. Почти неподвижная лодка среди белого поля — превосходная мишень. Замаскироваться невозможно. Опуститься на дно? Но глубина слишком мала. Да и грунт опасный. Подводные каменные пики могут пропороть борта.

С другой стороны, вступать в бой с воздушным противником весьма опасно.

«В боевом поединке между самолетом и подводной лодкой всегда имелся привкус странности и парадоксальности», пишет американский журналист Ловелл Томас в книге «Борсары глубин».

«Наша лодка, — рассказывает Томас, — должна была бдительно наблюдать за облаками или за ослепляющим солнцем, под прикрытием которых часто производились воздушные атаки. Воздушные охотники, будучи совершенно укрытыми в ослепляющем солнечном блеске, неожиданно налетали на нас, не давая времени на погружение. Если подводная лодка имела зенитную пушку, то она, конечно, могла принудить самолет держаться на почтительной высоте. Но наиболее выгодным для лодки было уклонение от воздушных атак путем погружения».

Если бы мы даже и погрузились на перископную глубину (а большего сделать мы не могли из-за мелководья), то все равно бы нас бомбили. Погода стояла солнечная, а с воздуха лодка, находившаяся на перископной глубине, видна отлично, как рыба в аквариуме.

Самолеты шли на небольшой высоте, не ожидая так близко от своих баз встречи с противником.

Обнаружив нас, они сразу же круто развернулись и ушли под защиту солнца. Значит, сейчас начнется атака! Я решил принять бой, несмотря на всю сложность обстановки. У нас были преимущества, о которых белофинны не знали.

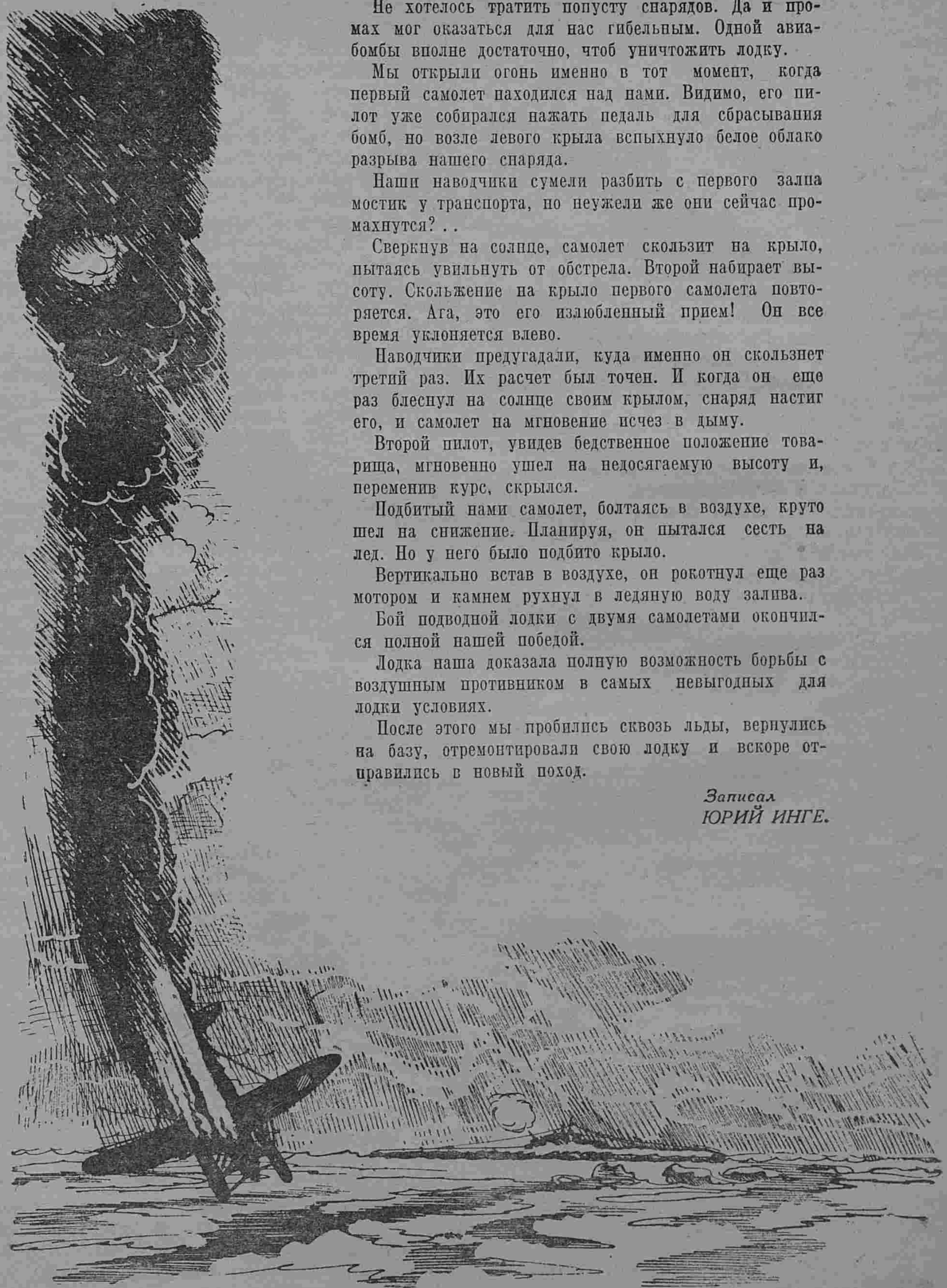
Самолеты на большой скорости вынырнули из-за солнечного прикрытия и устремились на нас с кормы.

Они летели уже совсем низко. Шум моторов гулко раздавался в морозном воздухе. Я совершенно ясно различал номер и знаки на фюзеляже.

Наводчики не отрываясь глядели на прицелы. Ближе!.. Еще ближе!

Не хотелось тратить попусту снарядов. Да и промах мог оказаться для нас губительным. Одной авиабомбы вполне достаточно, чтоб уничтожить лодку.

Мы открыли огонь именно в тот момент, когда первый самолет находился над нами. Видимо, его пилот уже собирался нажать педаль для сбрасывания бомб, но возле левого крыла вспыхнуло белое облако разрыва нашего снаряда.

Наши наводчики сумели разбить с первого залпа мостик у транспорта, но неужели же они сейчас промахнутся? . . .

Сверкнув на солнце, самолет скользит на крыло, пытается увильнуть от обстрела. Второй набирает высоту. Скольжение на крыло первого самолета повторяется. Ага, это его излюбленный прием! Он все время уклоняется влево.

Наводчики предугадали, куда именно он скользнет третий раз. Их расчет был точен. И когда он еще раз блеснул на солнце своим крылом, снаряд достиг его, и самолет на мгновение исчез в дыму.

Второй пилот, увидев бедственное положение товарища, мгновенно ушел на недостижимую высоту и, переменяв курс, скрылся.

Подбитый нами самолет, болтаясь в воздухе, круто шел на снижение. Планируя, он пытался сесть на лед. Но у него было подбито крыло.

Вертикально встав в воздухе, он рокотнул еще раз мотором и камнем рухнул в ледяную воду залива.

Бой подводной лодки с двумя самолетами окончился полной нашей победой.

Лодка наша доказала полную возможность борьбы с воздушным противником в самых невыгодных для лодки условиях.

После этого мы пробились сквозь льды, вернулись на базу, отремонтировали свою лодку и вскоре отправились в новый поход.

*Записал
ЮРИЙ ИНГЕ.*

ГДЕ

Эт
раз
войн
оста
напо

Вд
шко
надп
без
у к
звез
Ок
его
фрон

—
арми
или
один

Ва
отве
Да

Кон

бит
с фа
и др

на ф

Ве
на ф

Эн
ные
прин

чем

Вс
боту
врем

Пр

Дми

тели

шую

прих

когда

попо

ги.

мате

тами

Де

мног

жив

госп

ТЬ

были

Кра

А

фаш

огро

наш

ря д

роди

ную

наро

жде

На

жай.

Мн

совх

ника

Всем, чем можешь, помогай стране!

Н. ГРИГОРЬЕВ

ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ ПОЛЕЗЕН?

Это было в Ленинграде — как раз на другой день после начала войны. У одного из вокзалов остановился военный грузовик, наполненный обмундированием.

Вдруг к машине подбежал школьник лет тринадцати-четырнадцати с рюкзаком за спиной, без шапки и стал выпрашивать у красноармейцев фуражку со звездочкой.

Оказывается, мальчик (фамилия его Вася Карданов) собрался на фронт.

— А ты спросился у Красной армии — нужен ты на фронте или нет? — сурово сказал ему один из бойцов.

Васю Карданова задержали и отвезли домой.

Да и что было с ним делать? Конечно, хорошо, что он так любит свою родину и рвется в бой с фашистами, но что будет, если и другие мальчики тоже побегут на фронт?

Ведь победа решается не только на фронте, но и в тылу.

Энергичные, дисциплинированные пионеры, конечно, могут принести больше пользы в тылу, чем на фронте.

Вспомним патриотическую работу советских школьников во время боев с белофиннами.

Примеров не перечислить. Владик Дмитриев и Геня Пономарев, жители Сестрорецка, собрав небольшую команду из ребят, много раз приходили на помощь взрослым, когда надо было чинить в тылу попорченные белофиннами дороги. Они подносили инструменты, материал, сами работали лопатами.

Девочки — санитарки, ученицы многих ленинградских школ, ухаживали за ранеными бойцами в госпиталях.

Тысячи и тысячи школьников были деятельными помощниками Красной армии.

А сейчас, когда разбойничья фашистская Германия собрала огромную армию и бросила ее на наши границы от Баренцова моря до Черного, когда на защиту родины, на Великую Отечественную войну встал весь советский народ, большая почетная работа ждет юных патриотов.

Наступила пора снимать урожай.

Многие колхозники и рабочие совхозов на фронте. Здесь школьникам придется крепко потру-

диться, заменяя их. Каждый килограмм хлеба так же важен для победы, как килограмм пороха или стали.

САМЫЕ БОЕВЫЕ — ПОСТЫ

П. В. О.

В городах самые боевые посты — это посты противовоздушной обороны.

Соберите ребят своего двора, выберите старшего и под его командой отправляйтесь к начальнику противовоздушной обороны вашего дома («начальнику объекта»).

Начальник прикрепит вас к группам самозащиты — к группе пожарной, группе социалистического порядка, санитарной группе. А сами вы вдобавок к этому создайте группу связи, — она будет очень полезна.

С этой минуты и начинается ваша боевая служба.

Сразу же установите строгий порядок несения службы. Введите в своей среде беспрекословное послушание. Боец должен быть точным, исполнительным, распоряжение начальника для него — закон. И тот, кто не ладит с дисциплиной, пусть лучше сразу отойдет в сторону. Ему нельзя поручить серьезного дела, — он его выполнит плохо, не вовремя и только подведет товарищей.

Ребят надо подбирать в группы находчивых, смелых. Плох тот боец, который только и дожидается распоряжения начальника. В нужную минуту боец должен сам сообразить, что делать.

У начальника отряда юных бойцов ПВО должен быть список всех ребят с адресом каждого и расписание дежурств. Раз установив расписание, надо его твердо держаться.

Свободным от дежурства на постах ребятам тоже есть работа. День за днем надо улучшать подготовку дома к противовоздушной обороне.

Все жильцы дома должны знать правила ПВО.

ЗАПОМНИ ХОРОШО ЭТИ ПРАВИЛА!

С наступлением темноты тщательно занавешивай окна. Но и при занавешенных окнах закрой в квартире поменьше света,

соблюдай экономию, — во время войны надо во всем экономить.

Приготовь в квартире запас воды — на случай, если возникнет пожар. Приготовь ведро или ящик песка. Зажигательная бомба, с виду хоть и пустяковая, может причинить много бед квартире и дому. Главное — помни, что ее водой не загасишь, вода, плеснутая на горящую бомбу, в ту же секунду с шумом превращается в пар. Зажигательную бомбу следует гасить песком. Опрокинь на нее сразу полведра песка, и бомба, лишенная воздуха, погаснет.

А водой придется поливать вещи, которые занялись от бомбы. Но и это надо делать с толком. Не лей воду на пламя сверху, как на цветы из лейки, а секун-

ду подумай, осмотришь, сообрази, где очаг пламени — и уж тогда полным ведром выплескивай воду пламени под корень.

Не теряйся, спокойно и настойчиво борись с пожаром. В это же время каким-нибудь способом дай знать о пожаре на пункт ПВО.

Значит, для того чтобы предупредить пожар от зажигательной бомбы, в квартире должны быть песок и вода.

А чего не должно быть?

Мусора! Очисти свою комнату, очисти вместе с жильцами всю квартиру от мусора и лишних, ненужных вещей.

Но этого мало. Надо очистить от мусора коридоры, чердаки, очистить весь дом и двор. Это дело должен взять на себя отряд юных бойцов ПВО под руководством начальника объекта.

Дальше... Все жильцы должны проверить свои противогазы и научиться хорошо ими пользоваться. Что надо сделать для этого? А вот что. Пусть начальник объекта назначит время для проверки противогазов. Ребята должны оповестить жильцов, когда кому прийти к начальнику. И добиться чтобы все жильцы

действительно такую проверку сделали.

Всех жильцов надо оповестить, где ближайший пункт первой медицинской помощи. А чтобы кто-нибудь в нужный момент сгоряча этого не забыл, возьми листок бумаги, напиши крупно адрес пункта и телефон и повесь листок в таком месте, где он бросается в глаза: например, на лестничной площадке, у выходной двери на улицу.

ЮНЫЕ САНИТАРКИ

Девочки старших классов, имеющие значок ГСО, должны объединиться при санитарной группе своего дома. На пункте первой медицинской помощи им дадут все указания, скажут, где достать и перевязочные материалы, если их нет или их недостаточно при санитарном пункте дома. Девочкам-санитаркам тоже следует организовать дежурства.

Санитарка должна быть готова немедленно прийти на помощь пострадавшему от нападения врага.

Но санитаркам будет работа и на каждый день. Санитарки должны приучить всех ребят к чистоплотности. Бывает ведь, что ребята грязными руками носят хлеб из булочной, да еще тут же, на улице, выковыривают из хлеба мякиш и отправляют в рот. Грязными руками, вместе с хлебом и другими продуктами (капустой, колбасой и т. п.), ребята заносят и себе в рот и в свою квартиру заразу. А какой же это советский патриот, который из-за своей нечистоплотности сляжет в больницу и займет койку, предназначенную, быть может, для раненого бойца?

И ЭТО НАДО УМЕТЬ!

Юные бойцы ПВО, само собой понятно, должны уметь обращаться с топором, пилой, лопатой. Юный боец должен уметь починить носилки для раненых, — а, может быть, носилок и совсем нет в доме? Проверьте-ка. Тогда придется носилки сделать самим. Управхоз даст жерди или доску, из которой можно сделать рукоятки, даст гвозди, а полотнище раздобудете у домохозяек.

Если ни у кого из них не най-

дется достаточных размеров целого куска — не беда, можно сделать составное полотнище.

Надо заняться и бомбоубежищем при доме. Оборудовано ли оно, все ли там есть необходимое, не следует ли добавить мест для сиденья? Если при доме большой двор, надо по указанию начальника объекта выкопать в стороне, подальше от стен дома, щель-убежище — узкую канаву метра два глубиной и метров пять в длину. В такой щели укроется от бомб с десятков человек. Мест, где люди могут спрятаться при воздушном налете, всегда лучше иметь несколько.

В отряде юных бойцов ПВО следует иметь карту, чтобы следить по ней за происходящими военными действиями. Обязательно и каждый день всем отрядом прочитывайте свежую газету. Да не выбрасывайте ее, прочитав. Передайте на пункт. А еще будет лучше, если кто-нибудь из юных бойцов сам пойдет с газетой к домохозяйкам, к живущим в доме инвалидам и т. д. и сам прочитает им известия из газеты.

Во время войны всегда найдутся болтуны, по неосознанности распространяющие разные вздорные слухи. А иногда эти слухи нарочно распространяют сами враги.

Достоверные сведения из газет помогут бороться с такими слухами.

ПО СИГНАЛУ «ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА»

Как же вести себя в случае воздушной тревоги?

Спокойно, уверенно, организованно!

Завыла сирена, подают гудки заводы, фабрики, пароходы на реке, паровозы на железной дороге. Воздушная тревога!

Если ты дома, — первое, что должен сделать, — залить водой жар в печи или плите, если они топят, погасить примус, керосинку, выключить электрический чайник, утюг.

Тут же надо спрятать приготовленную пищу и продукты или накрыть все бумагой.

Закрой окна, двери, форточки, вьюшки в печах.

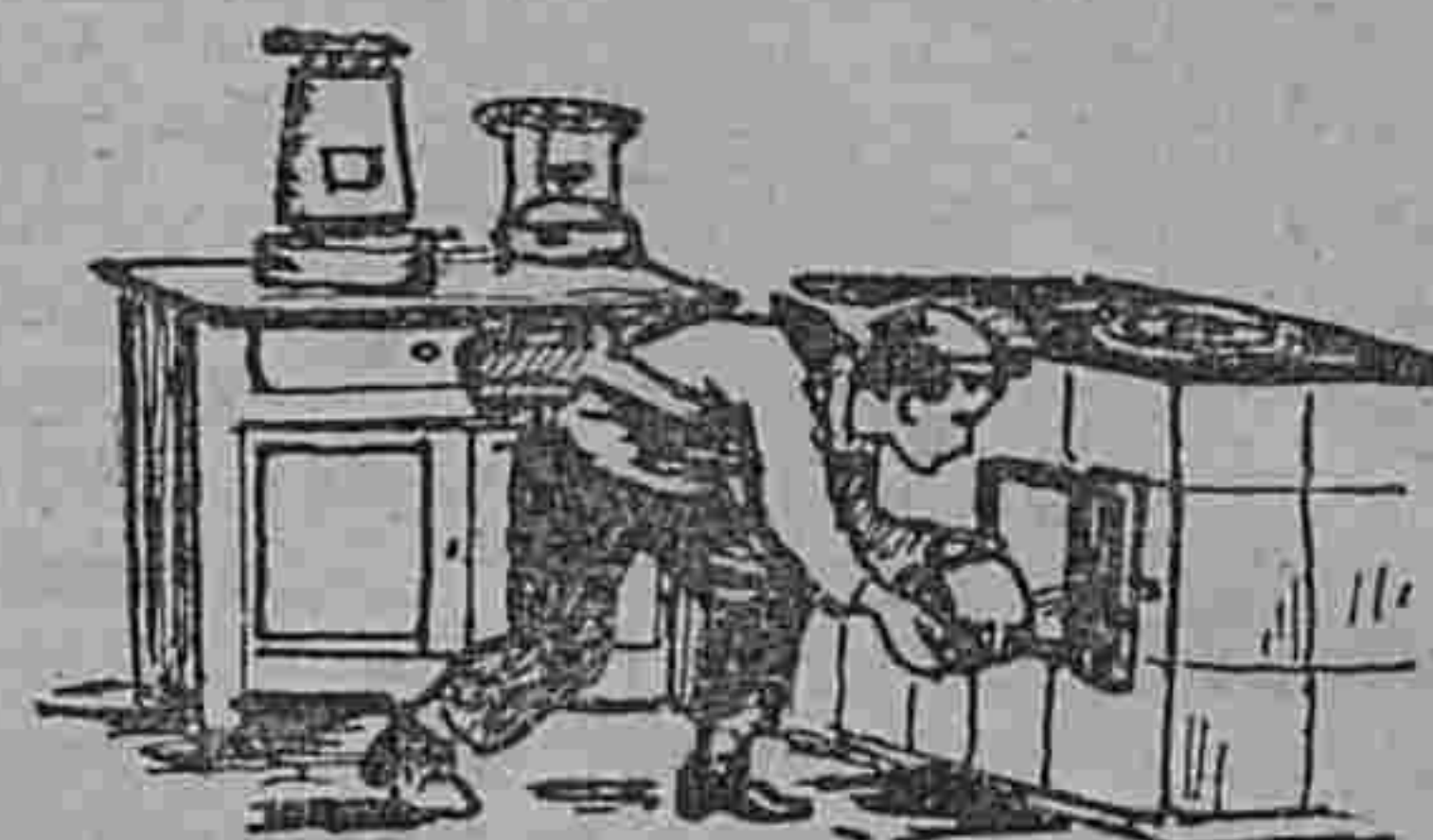
Помни, что твой противогаз должен быть у тебя наготове.

Теперь помоги старикам, больным, маленьким детям спуститься в убежище. Здесь оставайся и сам, следи за порядком, если не получишь другого распоряжения от начальника объекта или своего старшего.

Если воздушная тревога застала тебя на дежурстве, спокойно, точно и уверенно выполняй инструкцию для дежурного. Держи

при себе связного на случай, если потребуются сделать срочное донесение начальнику объекта. Сам ты не должен оставлять дежурства.

Свободные от дежурства ребята при воздушной тревоге тоже, конечно, не должны слоняться без

дела. Часть ребят надо направить на усиление постов — пожарного, социалистического порядка, санитарного и связи. Другая часть ребят должна заняться выводом больных, слабых и стариков в убежище.

БОЕВОЕ РАСПИСАНИЕ

Каждый пионер должен заранее знать свое место и свои обязанности. А для этого надо составить «боевое расписание».

Что такое боевое расписание? Представьте себе огромный, могучий корабль — линкор. На нем, вероятно, не меньше тысячи краснофлотцев и командиров.

И вся эта тысяча людей по тревоге мгновенно разбегается по кораблю. Минута — и все уже на своих местах, и каждый из тысячи, не обращая ни к кому с вопросами, начинает делать свое дело.

И вот, корабль маневрирует, стреляет, выпускает торпеды, отражает атаки вражеских самолетов, ставит дымовые завесы.

Каждый из тысячи краснофлотцев на боевом корабле занимает свое место по «боевому расписанию». Вот это-то и создает образцовый порядок на корабле.

Таким боевым расписанием должны обзавестись все отряды юных бойцов ПВО. Тогда наверное хорошо пойдет работа.

И каждый пионер сумеет помочь родине в Великой Отечественной войне против подлых фашистов.

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Краснознаменный Балтийский флот. Глубинными бомбами по фашистской подводной лодке.

Красноармейцы идут в атаку по понтонному мосту.

Зенитная батарея на огневой позиции.

Да, это звери!

ВЛАДИМИР БЕЛЯЕВ

Осенью 1939 года, только закончилась германо-польская война, мне довелось побывать в районах Западной Украины и Западной Белоруссии. Все еще носило следы разрушений, причиненных немецкими варварами. До сих пор стоят перед глазами искалеченные немецкими бомбами мирные села, перевернутые силой взрыва и лежащие вдоль путей санитарные вагоны, разбитые Ломжа, Граево, Лапы. Точно ямы, вырытые шантским кротом, чернеют воронки вдоль шоссе Брест—Белосток по обочинам дороги: это забавлялись немецкие летчики. По шоссе на Белосток под защиту Красной армии двигались тысячи беженцев из центральных районов Польши. Варшава была уже разрушена, на причале в Гдыне стояли немецкие миноносцы, пали Модлин, Каттовицы и Торунь, но у немецких летчиков оставались еще бомбы, выданные на польскую кампанию, и они залетали с ними в глубь страны и бомбили что попало и в первую очередь мирных жителей, убегающих от Гитлера. Бомбы ложились, как правило, по обочинам шоссе — летчики были пьяны, и точность их бомбометания была не велика. Отбомбившись, они спускались низко и, пролетая над верхушками фонарных столбов, на бреющем полете осыпали беженцев очередями из пулеметов. Завидя черных коршунов с белой свастикой на крыльях, матери с детьми, подростки, старики, все изнеможенные длинной дорогой люди то и дело сбегали в поле, прятались в канавы, падали в рожь, — но полны были военным добром цейхаузы Адольфа Гитлера, — черные коршуны выискивали свою добычу и здесь. Вот почему, как неотъемлемая часть послевоенного пейзажа, сохранились в памяти, вперемежку с черными воронками от бомб, поставленные вдоль дорог свежие сосновые крестики с табличками, написанными наспех химическим карандашом. Много таких крестиков и простых, безыменных могил выросло в поле у дорог, соединяющих разрушенные города.

На каждом шагу наблюдая эти следы войны, приходилось поражаться бессмысленной жестокостью немцев. Мы знали и раньше, что такое фашизм, но первая война, которую навязали они человечеству, обнажила такие их качества, по сравнению с которыми поджог рейхстага и костры из тысяч лучших книг, созданных гениями человеческой мысли, казались детской забавой.

Мы видели, как воевали немцы в Польше, мы слушали рассказы об этой войне, и все виденное и слышанное совершенно не вязалось в нашем представлении с поведением людей. Законы войны объясняют, для чего противнику надобно уничтожать железнодорожные узлы, мосты, запасы горючего. Но разве можно найти объяснение тому, для чего понадобилось немецкому летчику, спустившись на бреющем полете до верхушек деревьев, разбомбить стоящую поодаль шоссе возле Березы Картузской одинокую хатку путевого сторожа, убить его самого, жену, двух крохотных детей?

Все немецкие злодеяния были необъяснимы с точки зрения нормального человека, и поневоле всегда напрашивался один и тот же вопрос: люди ли это делали, или звери?

И когда приходилось видеть живых свидетелей немецких злодеяний, когда приходилось разговаривать с ними, каждый из них в конце своего рассказа, не задумываясь, определял фашистов совершенно точно: да, это звери. Самые настоящие звери. И если вы попытаетесь объяснить причины их поступков с точки зрения нормального разума, — потерпите неудачу. Поступки зверей часто бывают необъяснимы.

Я записал некоторые рассказы беженцев. В них совершенно нет вымысла. За каждым из них точная человеческая судьба, эти рассказы проливают свет на действия фашизма в завоеванных им областях.

МАРОДЕРЫ

На углу Хмельной и Маршалковской меня задержал немецкий патруль. Восемь часов вместе с другими задержанными мне пришлось разбирать обломки разрушенного бомбой дома. Фашисты приказали работать без пальто, и офицер указал место, где сложить одежду.

Когда после окончания работы мы стали одеваться, каждый обнаружил, что его карманы за это время тщательно исследованы. Я оставил в карманах своего плаща старые очки. Не найдя, кроме очков, в карманах ничего ценного, немцы выдавили из оправы стекла. Рядом со мной работал пожилой настройщик роялей. Его патруль поймал в ту минуту, когда старик выходил из аптеки, где он получал лекарство для умирающего сына. Ревизуя карманы настройщика, немцы нашли лекарство и разбили бутылочку тут же на камнях. Розовая сигнатурка, облитая лекарством, — вот все, что осталось теперь старику.

Нашелся среди нас один наивный человек, который стал требовать от охранника, чтобы ему немедленно вернули отобранные при обыске тридцать злотых. Разъяренный требованием гитлеровец немедленно стал избивать его прикладом карабина, приговаривая: — Ты хочешь получить свои тридцать злотых? Получай, польская собака! Получай!

Фашист прекратил избиение лишь тогда, когда обливающийся кровью человек сказал, что он ошибся, что он вовсе не имел с собой тридцати злотых, а оставил их дома. Измученный тяжелой работой и всем виденным, я пошел домой. По дороге мне удалось купить у спекулянта за восемнадцать злотых буханку хлеба. Я радовался, что принесу ее домой жене, что теперь будет у нас еда на добрых два дня.

На мосту Кербедя меня снова остановил патруль. Потребовали документы. Я показал. Документы были в порядке. Тогда молодой офицер в белых перчатках,

раздраженный тем, что ему не к чему придаться, сильным ударом кулака выбил у меня из рук буханку хлеба. Она упала в лужу грязи. Я бросился поднимать хлеб, но в ту же минуту один из гитлеровцев, видимо, желая угодить офицеру, изо всей силы ударил меня ногой в спину, и я рухнул лицом в грязь. Когда я, вытирая лицо, поднялся, я увидел, что гитлеровец, ударивший меня, каблуками тяжелых сапог затаптывает в грязь мою буханку хлеба.

ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Страшная весть пронеслась среди жильцов нашего дома. В первой квартире идет обыск, обыщут первую — придут к нам. И хотя многие были подготовлены к ночным обыскам, однако каждый отгонял мысль, что немцы так скоро посетят его дом. И вот пришел наш черед. Все мы знали, что ночной обыск — это не обычная ревизия в поисках спрятанного оружия: мы знали, что ночной обыск прежде всего грабеж, а во многих случаях и убийство.

Варшавяне, которые пережили подобные ночные обыски, предупреждали: все, что у вас есть ценного: обручальные кольца, серьги, портсигары, ожерелья, все золотые и серебряные безделушки, хрусталь и деньги, выставляйте напоказ. Боже вас упаси что-либо спрятать из драгоценностей. Не надо злить зверей! Пусть они думают, что вы их не ждали, что не собирались прятать от них ничего, — может быть, они будут к вам немного милостивей. Если же ничего ценного на виду не окажется, немцы будут бить вас, пытаться, пока не добьются признания, где вы спрятали ценности.

Многие, кто еще не пережил обысков, следовали этим советам. Я сама знала случай, когда одна знакомая мне семья (бедные люди, жившие всегда в тяжелых условиях) на последние деньги приобрела хрустальный туалетный прибор для того, чтобы откупиться от непрошенных ночных гостей.

В эту ночь, когда беда нагрянула, никто в нашем доме не ложился спать. Огни были погашены, и все жильцы, от мала до велика, стараясь ничем не выдать себя, стояли у опущенных штор перед выбитыми окнами и прислушивались к тому, что творится во дворе. Из первой квартиры долетали оживленные голоса немцев. Сперва казалось — они мирно беседуют с хозяевами квартиры, но вдруг раздался нечеловеческий женский крик. Позже мы узнали, что это кричала наша соседка. Гестаповец сшиб карабином с ног ее мужа только за то, что тот попросил оставить ему медальон с портретом матери.

Мы жили во второй квартире, с нами обошлись не лучше. Гитлеровцы были заметно обескуражены, увидев на комодике нарочно приготовленные вещи. Они поняли, что мы знаем, каков смысл ночных обысков, и, видимо, это задело их. Вначале они притворились, что не замечают серебряного портсигара отца, моей рубиновой брошки, коралловых бус матери. Гитлеровцы с места в карьер перевернули вверх ногами все вещи в квартире.

ФАШИЗМ — ЭТО СМЕРТЬ И РАЗРУШЕНИЕ

Лондон. Дети спят в гамаках, подвешенных к рельсам метро.

По сигналу „воздушная тревога“ маленьких лондонцев уводят в убежище.

Французский город, разрушенный немецкими фашистами.

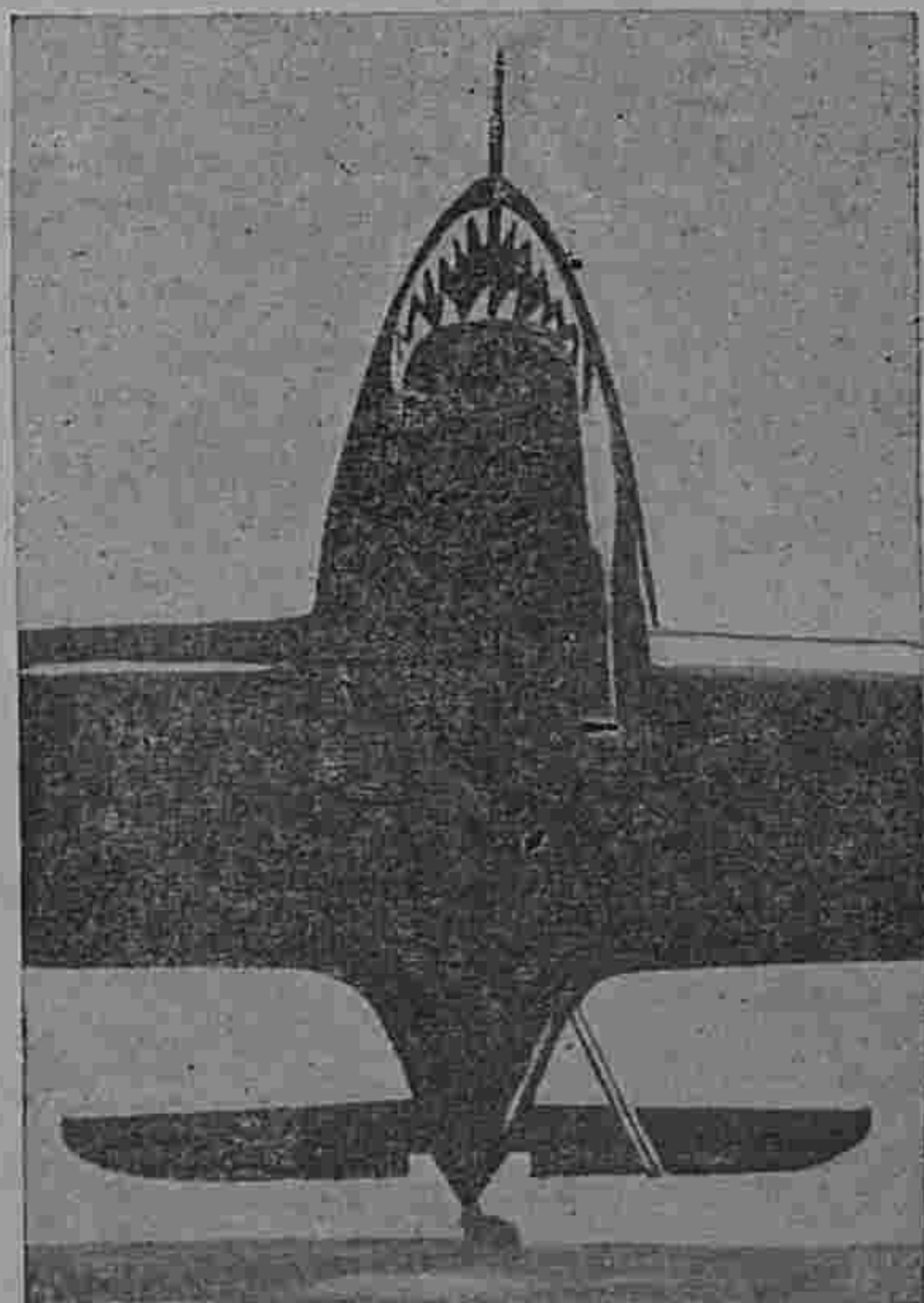

Немецкий бомбардировщик над Норвегией.

Фашистской бомбой, упавшей на старинную церковь, сбита с пьедестала статуя английского поэта Джона Мильтона.

Некоторым бомбардировщикам фашисты придают форму акулы.

Что искали, — никто из них не сказал. Тесаками карабинов они распорили все подушки, засыпав комнаты гусиными перьями. Они прокололи мягкие кресла, а один из них со злости выстрелил в портрет, который висел в комнате брата. В конце обыска немцы прикладом загнали нас всех в темную ванную, и, чтобы мы не могли зажечь в ней свет, один из них на минуту повернул выключатель и ударил тесаком по электрической лампочке. Уходя, немец закрыл на задвижку дверь. Долго до нас, стоявших у закрытой двери, доносились выкрики новых хозяев в квартире. Они шумели, передвигали мебель, кто-то заиграл на рояле, но тотчас же мелодия немецкого военного марша была прервана ударом по клавишам. Когда они проходили мимо нас, в прихожей грохнул выстрел, и матовое дверное стекло посыпалось со звоном из-под притолоки на кафельный пол ванной. К счастью, заслышав приближающиеся шаги гитлеровцев, мы вовремя отскочили от двери. Вслед за первым выстрелом прогремел второй, третий. Проходя мимо ванной, гитлеровцы стреляли в дверь из револьверов, как бы салютуя на прощанье запертым хозяевам. Лежа лицом на холодном полу, мы слышали, как визжат, врезываясь в стенку, револьверные пули. Мы пролежали так на полу до восьми утра. Утром в восемь пришла соседка, выпустила нас и сообщила, что немцев нет в доме. Все ценные предметы исчезли, шкаф, где висела одежда нашей семьи, был пуст, даже деревянные плечики немцы унесли с собой, а на письменном столе отца один из них оставил пахучий след.

ПОД НОГАМИ ПАЛАЧЕЙ

До германо-польской войны я работал инженером Варшавского водопровода. Служба моя была, казалось, самой мирной: я должен был следить за правильной работой механизмов, подающих воду в квартиры и учреждения Варшавы.

Но только началась война, я убедился, что для германского фашизма нет никакой разницы между мирными и военными объектами. Немцам было выгодно, чтобы пожарные осажденного ими города не могли заливать подожженные бомбами дома. Фашисты упорно добивались, чтобы в больницах не было ни капельки воды, чтобы мать не могла выкупать новорожденного ребенка, а мой сосед, старый профессор Варшавского университета, не мог выпить утром положенный ему стакан чая. Фашисты выполняли этот свой план со всей немецкой методичностью. С первых же дней войны их самолеты по очереди сбрасывали бомбы над Фильтровой улицей города. Там находились водопроводные фильтры, сквозь которые вода из Вислы поступала дальше, в водоразборную систему. На четвертый день войны все фильтры были разбомблены. Но мало испортить воду. Надо преградить ее доступ в город вовсе. Эту часть задачи взяли на себя немецкие диверсанты. То в одной части города, то в другой — на переключениях городских водопроводных магистралей —

раздавались таинственные взрывы. То будка водоразборная на воздух взлетит, то трубы после взрыва лопнут, и фонтаны воды вырвутся из-под земли. Сперва, в общем шуме и грохоте бомбардировок, население не придавало большого значения этим мелким взрывам, но вскоре, когда вода перестала поступать в кварталы города, каждому стал ясен коварный замысел диверсантов. Многие спохватились, пожалели, что как следует не охраняли водоразборные будки, но было уже поздно. В последние дни обороны Варшавы стакан простой воды стоил... пять злотых. За такие деньги до войны вы могли пять раз пообедать. Но и за эту цену воду достать было трудно. Лишенный воды город пылал, как факел, и окружившие его со всех сторон гитлеровские мерзавцы, глядя по ночам на огромное зарево, с удовольствием потирали руки.

После прихода немцев я решил бежать к вам, в Советский Союз. Варшава уже к тому времени была наводнена полчищами гестаповцев, каждую минуту любой из нас, ее обитателей, мог ожидать смерти. С тяжелым сердцем я покидал разрушенный, но по-прежнему родной для меня город. Я не очень сентиментальный человек, но последние минуты своего пребывания в Варшаве я ходил по мрачным ее улицам и плакал навзрыд. Я видел разбитые театры, библиотеки, госпитали, уничтоженные окраины, я видел пустые окна, забитые фанерой, жестью, картоном, и сердце мое наполнялось гневом к коричневым гуннам, растоптавшим своими сапогами город, в котором я родился и вырос.

За предместьем Гроховым меня задержал немецкий патруль. Вместе с другими задержанными немцы привели меня в цитадель. Там нас встретил молодой офицер в белых перчатках, с моноклем. Он проверил мои документы и сказал:

— Вы человек интеллигентный? Чудесно. Нам нужны интеллигентные люди. Пойдемте со мной.

Мы пришли на пустынный задний двор цитадели, покрытый огромными лужами после недавнего дождя. Под сараем в этом дворе лежало два ящика с пулеметами. Офицер остановил конвой, огляделся и сказал мне:

— Если вы человек интеллигентный и к тому же поляк, то, наверное, умеете стрелять из пулемета. Ведь стреляли же вы в нас, когда мы наступали на Варшаву? А ну-ка, покажите свое умение. Стреляйте вон по той стене!

Я объяснил, что я человек штатский, что никогда в жизни не стрелял, тем более из пулемета, что вообще я никакого отношения к военному делу не имел.

— Чудесно, — перебил меня офицер. — Стрелять вы не обучены. Но пулемет-то носить вы, наверное, умеете. Давайте-ка, вытащите его из ящика и перенесите на другой конец двора.

Я вытащил из ящика тяжелый пулемет и только собрался нести его, — офицер крикнул:

— У нас так не работают! Возьмите два пулемета. Надрываясь, я положил себе на руки и второй пу-

Разрушенный немецкими фашистами дом в Патрасе (Греция).

Во время пожара этого здания лондонские рабочие спасли сто человек.

лемент, но выпрямиться с ними не мог и рухнул на колени.

— Ах, так! — закричал офицер. — Притворяешься! Лезь тогда в ящик! — И он навел на меня маузер. Вокруг, ухмыляясь, стояли с винтовками наперевес гестаповцы: им понравилась выдумка своего офицера. Я понимал, что стоит только мне не выполнить его приказа, — они изрешетят меня пулями. Кое-как я залез в пулеметный ящик с маслянистыми стенками. Я улегся в нем боком, и в ту же секунду охранники захлопнули ящик крышкой. Кто-то из них вскочил наверх, и через минуту несколько десятков ног загрохотало у меня над головой. Трещали доски, каждая из них грозила проломиться. Тарабания ногами по крышке ящика, фашисты хриплыми голосами пели «Хорст Вессель». Это время показалось мне вечностью, и когда наконец скрипнули петли крышки и снова ударило мне в глаза утреннее солнце, — оглохший, ошеломленный, я не мог понять сперва, где нахожусь.

— Крепкая скотина, — услышал я словно сквозь сон голос офицера. — А ну-ка, вставай, польская свинья!

Когда я вылез из ящика и, еще покачиваясь на ногах, выпрямился перед офицером, тот, поправив монокль, приказал дать мне лопату и вырыть тут же во дворе для себя могилу.

Блянусь вам, мне уже тогда было все равно. Я перестал чувствовать себя человеком, машинально я выбрасывал одну за другой полные лопаты земли и думал только об одном: поскорее бы умереть.

Могилка была готова. Штурмовики сорвали с меня одежду и поставили меня на краю вырытой ямы. Офицер скомандовал:

— Feuer!

Не мигая, я смотрел прямо в дула винтовок. Я видел, как подпрыгнули при залпе их стволы, но не почувствовал никакой боли. Фашисты выстрелили в воздух. Позже я понял, что все это было придумано нарочно, но была минута, когда мне даже показалось, что штурмовики сочувствуют мне. Я поверил, когда офицер бранил их, что ругает он солдат по-настоящему. Выругавшись, офицер стал меня расстреливать сам. Я видел, как блеснул в его глазу монокль, когда он наводил на меня мушку черного своего маузера, но каждый раз пули проносились мимо, со свистом врезываясь в стену из песчаника.

— Ты смелый парень, — крикнул офицер, — выдержал экзамен! Надеюсь, сейчас-то ты будешь носить пулеметы?

После того как я заглянул в глаза смерти, я словно переменялся, я перестал чувствовать, что такое усталость, — схватив оба пулемета и сгибаясь под тяжестью, я понес их прямо через лужи в самый дальний угол двора. Но быстрый прилив сил так же бы-

стро стал покидать меня. Изнемогая под тяжестью пулеметов, я уже собирался бросить их на землю, как вдруг офицер скомандовал:

— Назад. Рысью, марш!

Я притащил пулеметы обратно. Одежда моя была забрызгана грязью, желтые круги вертелись перед слезящимися от пота глазами.

— Ты хоть интеллигентный человек, но дурак, — очень ласково сказал мне офицер. — Зачем тебе надрываться? Возьми один пулемет, снеси его туда, потом вернешься, возьмешь другой.

Я подхватил один пулемет и помчался с ним на другой конец двора. Но только я приблизился к месту, где мне велено было оставить его, — снова позади раздался знакомый крик офицера:

— Назад! Рысью, марш!

Я вернулся.

— А зачем бегать по лужам? — сказал офицер. — Так же можно перепачкать ботинки, костюм. Есть же более удобная дорога. Вон смотри — по мосткам!

Поиздевавшись еще надо мной, офицер выпустил меня из цитадели со словами:

— Теперь ты получил урок, мерзавец. Будешь следующий раз знать, как не подчиняться ультиматуму фюрера, будешь знать, польская свинья, кто настоящий хозяин Варшавы...

***

Через два дня я был на советской стороне. Вы, советские люди, спасли меня от фашизма, дали мне работу. В моем паспорте написано теперь, что я: инженер Болеслав Савицкий, гражданин Союза Советских Социалистических Республик.

***

Полтора года назад, глубокой осенью, в пустынном дворе Варшавской цитадели этот офицер с моноклем целился в меня. Я стоял перед ним беззащитный и вооруженный одной только ненавистью. Офицер мстил мне за то, что мой народ осмелился не подчиниться его приказу.

Сейчас он, этот палач, поднял оружие против нас всех. Он снова целился в меня, он целился в вас, он целился в мою новую родину. Но ему не удастся спустить курок. Нас — миллионы. В руках у нас оружие. Я слышу, как над нами в высоком небе гудят, пролетая на фронт, тысячи красnozвездных самолетов, я слышу у себя за спиной теплое дыхание советских танков. В руке у меня надежная винтовка, сделанная руками моих новых братьев, честных советских тружеников, людей с добрым сердцем и ясными, благородными целями. Огонь священной ненависти горит в наших сердцах. Так бросимся же вместе, товарищи, на эту гадину. Уничтожим ее раз и навсегда!

СЛУЧАЙ НА ВОЛГЕ

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рисунки И. Королева

Хоть немножко и совестно мне, ребята, рассказывать, а расскажу все-таки, при каких невеселых для меня обстоятельствах я с товарищем Кировым познакомился.

А познакомились мы с ним так.

Ну, правда, мне и раньше приходилось его встречать, когда я в Астрахань с фронта приезжал. Но только тогда большей частью мы с ним на далеком расстоянии виделись. Он на трибуне выступал, а я где-нибудь на подоконнике или на какой-нибудь бочке селедочной сидел. И, конечно, разговаривать с глазу на глаз не приходилось. Но видел его хорошо. И вот, когда я на него издали на митингах да на собраниях глядел, всегда мне казалось, что он какой-то будто из меди вылитый. Такой коренастый, крепкий, зубастый. Кулаком по столу ударит — в окна стекла звенят. А слово скажет — так будто снаряд разорвался.

Ну, а потом привелось познакомиться и поближе.

Это уже в ноябре месяце было. В девятнадцатом году. К этому времени мы оттеснили белых от Астрахани и гнали их, голубчиков, без передышки в Каспийское море. Казалось — еще день-два, и Волга — от истоков до устья — будет нашей, советской.

Но у самого моря, возле маленького калмыцкого селения Али, бандиты очухались, перегруппировались и перешли в контратаку. И тут, возле этого Али, завязался жестокий бой. Бойцы наши голодные были, разутые, многие не спали по пять, по шесть суток, — еле-еле держались. Одним словом, обстановка была трудная.

И вдруг — в самую горячую минуту — по фронту среди красноармейцев слух прошел:

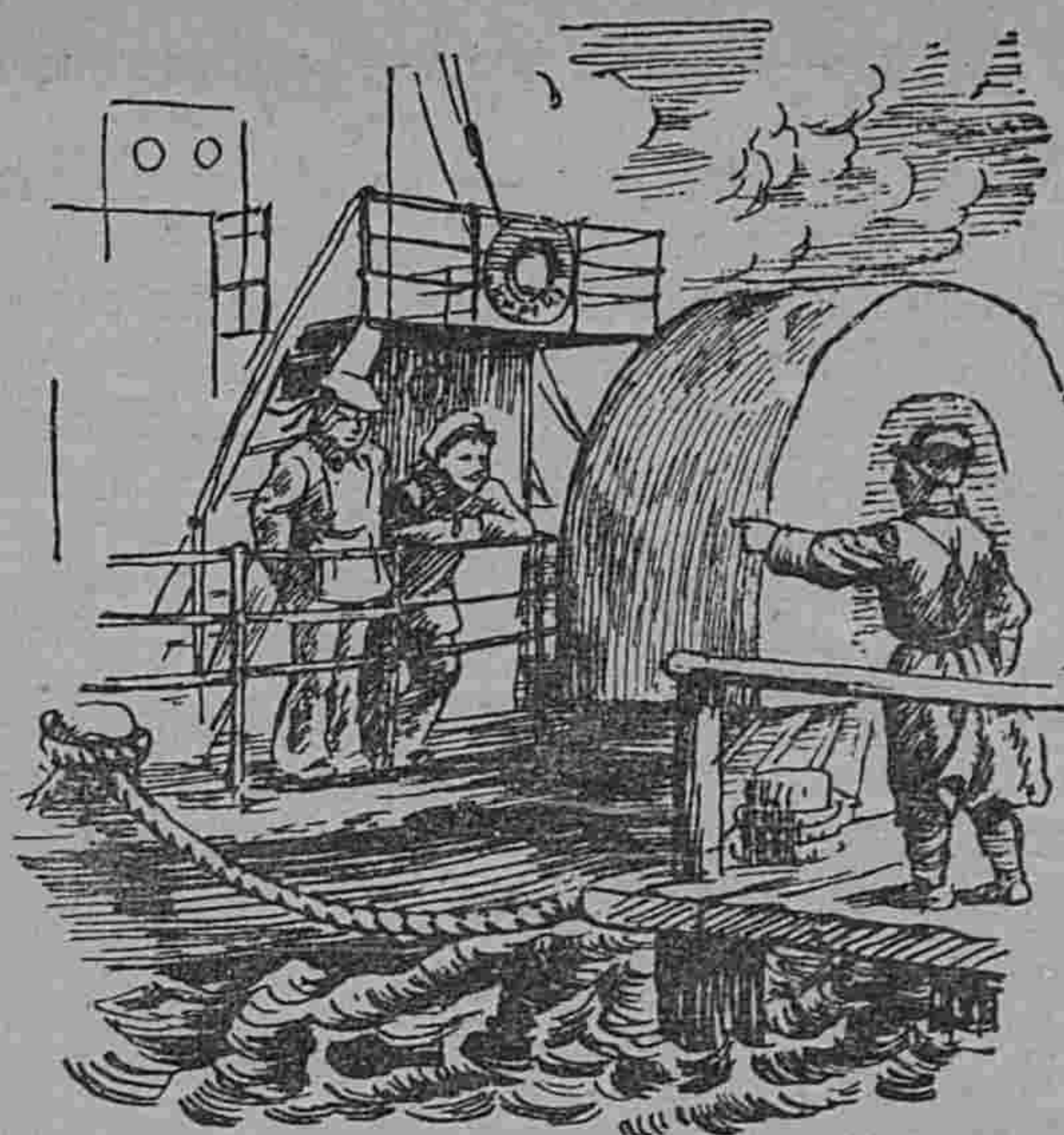
— Киров приехал!

Его еще никто и не видел, не успел он из машины вылезти, а уж по фронту будто свежий ветер подул. Один человек прибыл, а будто целая дивизия на помощь пришла.

Весь день и всю ночь пробыл Сергей Миронович на передовых линиях.

Где туго дело идет, где бойцы поутомились, поприуныли, там Киров со своей веселой улыбкой.

Где пули свистят, где снаряды рвутся, он тут как тут.

Перед обедом он к нам на батарею пришел.

Мороз трещит, а он будто из бани — красный весь, пальто расстегнул.

— А ну, братцы, крой, крой, — говорит. А сам на бугорок поднялся и в бинокль неприятеля разглядывает.

Я ему, помню, говорю:

— Вы бы, Сергей Миронович, побереглись маненечко. Пуля-то ведь она, как говорится, дура...

Он оглянулся, засмеялся и говорит:

— Э, брат! Мало ли что. Пуля-то она, конечно, дура, а зато и жизнь, говорят, копейка. Правильно, а?

Я как-то растерялся, не нашел, что сказать, и говорю:

— Вам, товарищ Киров, видней.

Он опять засмеялся и все-таки отошел в сторону. И оттуда еще раз на меня посмотрел и левым глазом мне подмигнул: дескать, погоди, брат, поговорим еще.

Уже к вечеру, часам к шести, наша армия по всему фронту перешла в наступление.

А наутро меня вызывает командир части и говорит:

— Тебе ответственное поручение. Спешно доставишь товарища Кирова в Астрахань.

Я обрадовался. Говорю:

— Есть, товарищ командир.

А он говорит:

— Только — маленькое но. Ехать автомобилем сейчас опасно. Тут по дорогам банды гуляют. Так что самое лучшее переправь его туда водным путем.

Я говорю:

— Как водным?

— Ну, по Волге. На катере или на пароходе.

— Где ж, — я говорю, — его возьмешь, пароход-то?

— А тут, — говорит, — кстати у пристани какой-то болтается.

А я, надо вам сказать, в то время с пароходами дела не имел. Я даже на лодке и то в то время не очень-то умел ездить. Я сам из Тамбовской области, а там у нас морей и океанов не водится.

Так что я немножко затылок почесал.

Но все-таки пошел на пристань.

Вижу: действительно, стоит у причала какой-то маленький пароходик, под названием «Киргиз». Из трубы дым идет, на палубе матросы чего-то ковыряются.

Спрашиваю:

— Чей пароход?

— Наш, — говорят.

— Как это ваш?

— Ну, советский, значит.

— Кто командир?

— Вот, — говорят, — командир. Капитан товарищ Дулин.

Я посмотрел, вижу — пожилой человек. Борода козлиная. Брови мохнатые, под бровями глаз не видать.

Не знаю, не понравился мне чего-то этот дядя. Борода его, что ли, не понравилась.

— Вы, — говорю, — командир?

— Я командир.

— Корабль ваш в целости?

— Так точно, в полном порядке.

— Вам задание: доставите в Астрахань члена Реввоенсовета Республики товарища Кирова.

Вижу — у него борода затряслась. Побледнел даже. Потом говорит:

— Есть, доставить Кирова.

Через полчаса товарищ Киров прибыл на пароход. Меня он узнал, поздоровался.

— Здорово, — говорит, — сухопутный моряк.

Я говорю:

— Действительно, угадали, товарищ Киров. Сухопутный.

Но хоть я и сухопутный, а все-таки слышал, как у них на кораблях команду подают. Кричу:

— Отчаливать!

Минута целая прошла, а пароход — ни с места. Я бегу к капитану.

— Вы что ж, — говорю, — команды не слышали? Кому было сказано отчаливать?

— Не знаю, — говорит, — кому. Здесь командир — я. Когда придет время, отчалим.

Повернулся и на капитанский мостик пошел. И немного погодя оттуда кричит:

— Отдать концы!

Пароход загудел, запыхтел и отвалил от пристани.

Не прошло и десяти минут — вдруг — стоп!

Что такое? На самой середине реки остановка.

Бегу на капитанский мостик.

— Что еще такое? — говорю. — В чем дело?

— Не знаю, — говорит капитан. — Повидимому, что-то с машиной.

Я говорю:

— Как с машиной? Вы же мне говорили, что у вас корабль в полном порядке!..

— Да. Говорил. В чем дело — не понимаю.

— Ах, не понимаешь?!..

Рассердился я. Задрожал весь.

— Если, — говорю, — через две минуты машина не будет исправлена, на месте застрелю...

Он даже не посмотрел на меня, говорит:

— Ваше дело стрелять, мое — командовать пароходом.

Я уж хотел ему чего-нибудь еще покрепче сказать, вдруг слышу:

— Правильно, капитан!

Вижу — выходит из каюты на палубу товарищ Киров.

— Тихо, братцы, — говорит. — Не надо шуметь. В чем дело? Почему остановка?

— А потому, — я говорю, — товарищ Киров, остановка, что пароходом командует из-

— Погоди, дорогой, не надо шуметь.

менник и предатель. Он что-то нарочно сделал с машиной. Посмотрите, доvez нас до середины реки и застрял. Застрелить его — и все тут.

Киров говорит:

— Погоди, дорогой, не надо шуметь. Надо сначала посмотреть машину.

Подумал, скинул свое пальтишко, засучил рукава и — вижу — сам лезет в машинное отделение. Слышу — там возится, кряхтит, ощупывает чего-то, осматривает. Потом вылезает и говорит:

— Нет, машина в полном порядке.

— Вот видите, — я говорю. — Значит, он нарочно не хочет везти нас в Астрахань. Чего, — говорю, — с ним разговоры разговаривать. По глазам же видно — предатель.

И я выхватил наган и хотел уж и в самом деле убить этого человека.

Но Киров опять мне говорит:

— Не спеши, товарищ!

Подумал немножко, бровь почесал, подышал зачем-то, будто температуру воздуха смерил, потом — вижу — идет к водяному ящику, где у них на пароходе запасы воды хранятся, и поднимает крышку.

— Ага, — говорит. — Так и есть. А ну-ка дайте мне какой-нибудь ломик или топор.

Я подошел, заглянул в ящик. А ящик этот весь, до самых краев, льдом забит.

— Вот видишь, какое дело, — говорит Киров. — Виноват мороз, а не капитан. Вода застыла, и машинам дышать нечем.

Он взял ломик и стал этим ломиком ковырять лед. Через минуту пошла вода. Застучали машины. Пароход тронулся.

Мне, конечно, было неудобно и перед Кировым, и перед капитаном. Я ушел на корму и долго там стоял и смотрел, как маленький наш пароходик ломает молодой волжский лед.

Вдруг — слышу — подходит сзади Киров. Постоял, помолчал, руку мне на плечо положил. И говорит:

— Нельзя быть таким горячим — особенно на морозе.

Потом нагнулся и в самое ухо мне:

— Ты знаешь, — говорит, — что такое человеческая-то жизнь?

Я вспомнил, как он давеча на батарее у нас сказал, и говорю:

— Жизнь, если не ошибаюсь, товарищ Киров, копейка.

Он засмеялся, головой тряхнул и говорит:

— Э, брат. Это еще поторговаться надо. Задешево-то ее никогда продавать не стоит, а особенно если эта жизнь чужая!..

Знаешь ли ты, что...

... Огромный австралийский дредноут «Viribus Unitis» был потоплен 1 декабря 1918 года в гавани Пола так: двое людей в особых «купальных костюмах», спущенные с борта вражеского эсминца, пробрались ночью в порт через все заграждения, гоня перед собою вплавь особого устройства мину. Она была прикреплена к борту гиганта (23 000 тонн водоизмещения, свыше тысячи человек экипажа). Некоторое время спустя она взорвалась, и корабль пошел ко дну в течение десяти минут.

¹ Это латинское название в переводе означает: «Соединенными усилиями». Корабль был построен на собранные по всей стране пожертвования.

... Среди разнообразных волн, поднимаемых кораблем на своем пути, особый интерес представляет так называемая «спутная волна», бегущая за кормой судна. Волна эта образуется не всегда, а только при определенном соотношении между скоростью судна и глубиной моря под ним. Если скорость велика, а глубина мала, волна может достигнуть огромной силы и натворить больших бед. Теорию этих волн разработал знаменитый советский ученый академик А. Н. Крылов.

... Русский эсинец «Новик» был перед войной 1914—1918 гг. самым быстроходным военным судном мира. Он делал тридцать шесть узлов, т. е. около 60 км в час. Это — средняя скорость курьерского поезда.

... В Ютландском бою командир миноносца «Спитфайр» Трилони принял в темноте немецкий линкор «Нассау» за легкое судно и бросился таранить его. Неистовый пигмей сумел оторвать от борта гиганта и донести до гавани почти шесть метров его броневой обшивки, но броненосец отомстил капитану: 11-дюймовые орудия «Нассау» дали залп; однако ми-

ноносец был еще слишком близко. Снаряды пролетели над его мостиком так низко, что капитан Трилони сел на пол, а кожа на его голове оказалась снятой, как скальп.

... Для того чтобы снаряды лучше пробивали броню, их стальной носок накрывают колпачком из мягкого железа: при ударе оно действует, как кусок масла, положенный на кончик колющего предмета — снаряд легче входит в броню. Это открытие было сделано случайно: перед стальной плитой, думая «помочь» ей, поставили плиту мягкого железа и получили как раз обратный результат — снаряд пробил броню с легкостью. Наконечник же на снаряде изобрел талантливый русский флотоводец адмирал С. О. Макаров.

... В войну 1914—1918 гг. японский флот понес меньше потерь от действий врага, нежели от таинственных «внутренних взрывов» пороха в скрытых камерах. От такого взрыва погиб и первый русский дредноут на Черном море «Императрица Мария».

Наши пули— труд в тылу

Ребята! На полях ожесточенных сражений ваши старшие братья и отцы отбивают натиск врага. Многие из вас горят желанием бок о бок с ними защищать свою родину.

Но страна ждет от вас другого, тоже почетного и важного, а главное—посильного применения ваших сил.

Вас ждут колхозные поля, огороды, фруктовые сады.

СЕНОКОС

Первейшая сейчас работа в деревне и по времени, и по значению — это сенокос, уборка колосовых хлебов.

Во многих колхозах лошади мобилизованы на фронт. Поэтому не везде можно пользоваться специальными машинами-сенокосилками. На помощь придет коса. На лесных полянах, на болотцах, на пнистой нераскорчеванной сече, богатой душицей и кипреем, без косы не обойтись.

Косу, перед тем как с ней идти на работу, надо отбить. В этом деле, требующем сноровки, опытные колхозные старики. Посмотрите внимательно, как они это делают. Молотком на куске чугуна или железа лезвие косы освобождается от всяких вмятин, неровностей, оно, вдобавок, как бы отвердевает, уплотняется от отбивки.

Затем косу надо наточить. Для этого служат особые точильные бруски. С ними тоже надо уметь обращаться. Но это уже проще, чем отбивка, — важно только не переточить. И вот, когда

коса готова, — на луг, за работу, с бруском на поясе, в берестовых «поршнях» на босу ногу, по ранней искрящейся на солнце росе!

Шире взмах! Но не слишком, чтобы зря не вымотаться раньше времени. Лезвие косы должно идти как можно ниже, под шейку стебля, чтобы не оставалась слишком высокая стерня. Да и косить чем ниже, тем легче.

Косить могут и мальчишки, и девочки покрепче. И те, и другие должны сначала попрактиковаться хоть несколько часов под наблюдением опытного колхозного косца. В колхозах ведь косят не только мужчины, но и женщины, и среди них есть превосходные косцы. Младшим ребятам косить, конечно, будет трудно, зато они могут переворачивать валки, разбивать их и сгребать в копны свежее, душистое сено.

Но вот сено накошено, сметано в копны, в стога, — теперь колхозный скот обеспечен на зиму кормом.

КОСОВИЦА ХЛЕБОВ

Кто умеет косить траву, тот и на уборке хлебов полезный человек. Время боевое, военное, может случиться, что МТС не выделит уборочной тяги — трактора для комбайна, а в колхозе не окажется достаточного числа свободных коней, чтобы жатками, лобогрейками обеспечить поля.

Вот тогда-то опять колхоз кликнет клич косцам: — А ну, друзья, берись за бруски, точи косы, в поля, хлеб убирать!

Кто научился косить сено, тот не растеряется и на пшеничном, на ржаном поле. Зерновую ниву косить легче, чем травостой: ровнее, однород-

нее злаковый стебель, нет толстых зонтичных ду-док, цепкой повилики, твердых, тугих, как про-волока, стеблей сурпуха.

Никто не будет требовать от вас непосильного! Но чувство, что вы, ребята, заменяете дерущихся с врагом бойцов, что ваша работа — работа на оборону нашей великой родины, должно удвоить, утроить, а, может быть, даже и удесятерить ва-ши силы.

Девочки, умеющие жать, тоже окажут большую пользу на уборке хлебов. А не умеющие жать должны научиться хотя бы вязать снопы и класть суслоны. Час-два, не более, требуется для того, чтобы в совершенстве постигнуть обе эти работы! А зато какая важная часть уборки зерно-вого урожая выполняется правильной вязкой и укладкой снопов.

Для вязки берется пучок колосьев, связывается узлом на свободном конце и расправляется на три пряди: одна — вправо, другая — влево, третья — на месте. На эту третью прядь наваливается столько аккуратно сложенных колосьев, сколько может их быть надежно схвачено и завязано

узлом из двух остающихся прядей, правой и ле-вой. Такова несложная техника вязки.

Суслон, как показывает само название, состоит из прислоненных один к другому снопов, постав-ленных на комли и образующих, так сказать, нижний этаж. А сверху, наподобие колпака, наса-живается пачка расправленных снопов, скреплен-ных комлями, колосом вниз. Суть укладки заклю-чается в том, чтобы как можно лучше уберечь снопы от вытечки зерна на землю и от выклевы-вания его птицами.

Теперь — дело за перевозкой на ток, за молоть-бой. В нашей стране сейчас нет ни одной даже самой глухой деревушки, где не было бы молот-илки, и к помощи цепа обращаться наверняка не придется. Но если бы даже и пришлось, то это уже совсем не сложная операция: она требует только ритма и внимания, — нельзя зевать, нель-зя пропускать свою очередь.

И вот зерно намолочено, ссыпано в мешки. Те-перь его смелют и будут печь хлебы для Красной армии, для рабочих заводов и фабрик, для кол-хозников, школьников и малышей.

САМ-ТРИДЦАТ!

Картофель — вторая по важности вещь после хлеба. Копка хорошего картофельного урожая — увлекательнейшее дело.

Вот заступом вы подрываете как можно глуб-же курганчик картофельного куста, и глаз ра-дуется веселой, богатой россыпи крупных свет-ло-желтых или розовых клубней. Вы подсчиты-ваете: двадцать, двадцать пять, иногда даже трид-цать картофелин на одной плети. Это значит, что урожай сам-двадцат, сам-тридцат.

Окучка — вот путь к высокому урожаю картофе-ля. Ребята могут и обязаны участвовать в окуч-

ках картофеля. Помните простое, почти как бы арифметическое правило: одна окучка — сам-де-сят, две окучки — сам-двадцат, три хороших, старательных окучки в лето — сам-тридцат! Оку-чивать можно и мотыгой, и заступом, в крайнем же случае, если нет ни того, ни другого, то даже просто палкой с вбитыми в нее двумя гвоздями наподобие цапки. Старайтесь только улучшить момент, чтобы земля была влажная. За хорошие окучки будет вам благодарна, ребята, вся страна, вся наша Красная армия и ваши собственные отцы и матери.

ВСЕ ЗЕЛЕНое—В ДЕЛО!

Картофель — культура полугородная. Но и с чисто огородными культурами бывает немало хлопот. Полка, поливка, уничтожение жучка и гусеницы — много трудов требует огород.

Помогайте огородникам не за страх, а за совесть! И радость, которую ощутите в дни сбора богато-го урожая овощей, вы никогда не забудете.

Больше всего донимают огородника сорняки: крапива, сурепка, одуванчик, лопух. Борьба с ни-ми должна стать главной задачей ребят, прикре-пившихся к огородам. Но ни на минуту не нуж-но забывать о том, что даже и выполотый сорняк может быть использован в хозяйстве.

Вы конечно, слышали о силосе, о силосовании зеленого корма. Во многих колхозах построены специальные силосные башни, где преет, бродит,

превращается в хороший питательный корм — как бы вы думали, что? Да вот как раз — туго спрессованная масса всех и всяких так называе-мых сорняков. Лебеда, полынь, лопух, сурепка и прочее, — все, что обладает зеленой массой стеб-ля и листы, все годится в силос. Перепревают в башне слишком жесткие волокна, колючки, стре-кательные органы крапивы. Обезвреживаются ядовитые вещества, имеющиеся в некоторых сор-ных растениях, например, в болиголове, — и в результате получается почти однородная, очень любимая скотом пища. Излишняя ботва снятого огородного урожая, например, свекольная, брюк-венная, гороховое плетье, ботва помидоров, — все это может быть также с успехом доложено в си-лос.

КАК УХАЖИВАТЬ ЗА САДОМ?

О садах тоже нельзя забывать. Не дать ни од-ному яблоку, ни одной груше или сливе сгнить паданцем на земле, собрать весь урожай пло-дов — вот большая и важная задача.

Летом на больших питомниках ведутся работы по окулировке, то есть по пересадке почечных глазков с лучшим сортом на дички. Немало хлоп-от бывает летом по борьбе с яблоневой и гру-шевой листоверткой и с червяком, поражающим завязи. Обрывать пораженные листоверткой ли-сточки, опрыскивать кроны парижской зеленью, сбивать и уничтожать подгрызенные червем пло-

дики (они слабее здоровых держатся на ветвях) — таковы основные летние работы в саду.

Но вот обвешаются тяжелыми яблоками дере-вья, и тогда под перегруженные ветви, чтобы они не ломались, надо ставить подпорки, зорко сле-дить за паданцем, не давать ему валиться и под-гнивать на земле. А когда в нескольких наугад сорванных яблоках семечки окажутся уже корич-невыми, надо во-всю приниматься за уборку пло-дового урожая. Лестницы, корзины, расщеплен-ные на концах палки — «съемы» — вот уборочный инвентарь по плодovому саду.

В. ЛЕБЕДЕВ.

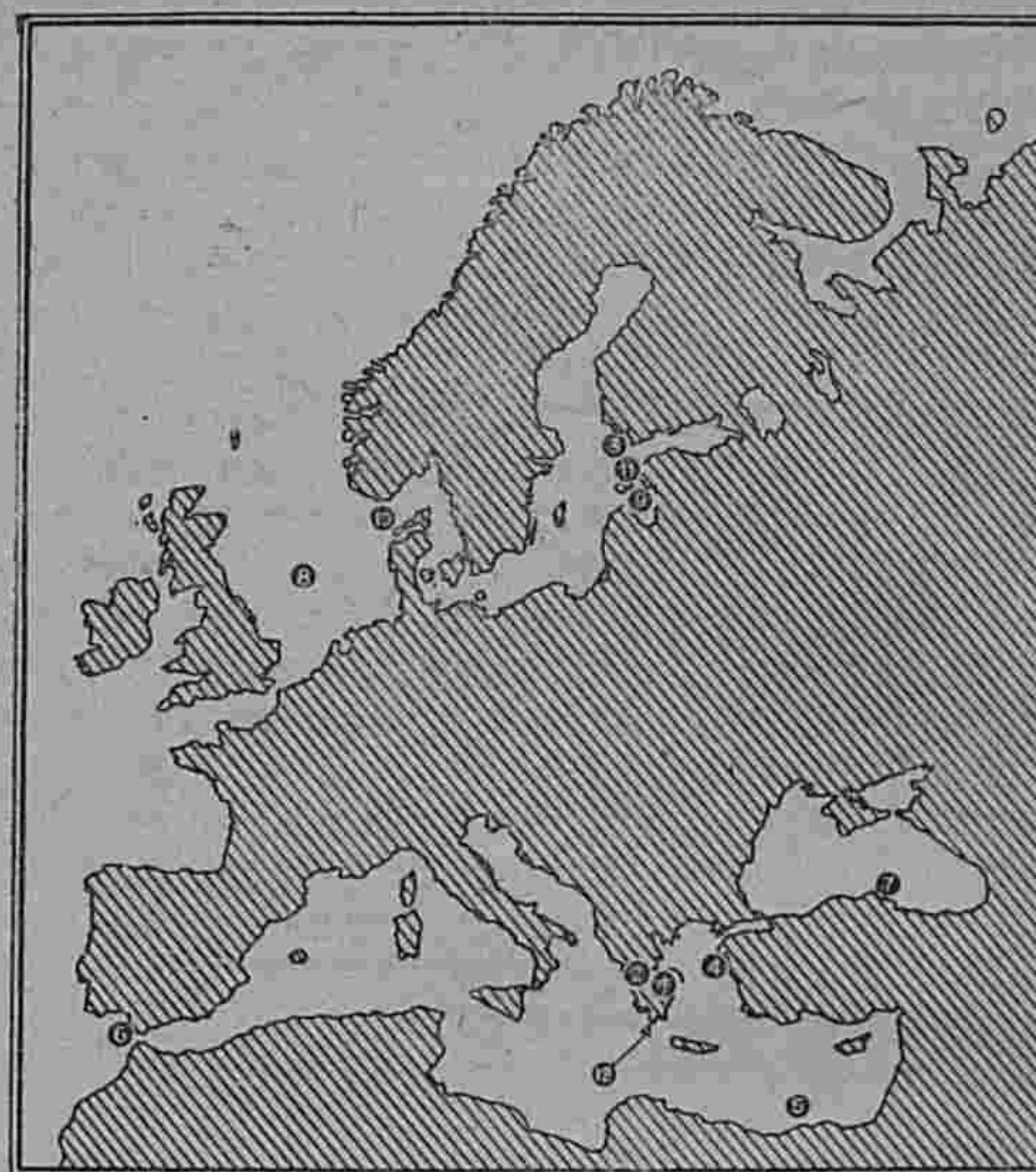

Где эта страна?

Вот карта страны, отнюдь не вымышленной, не фантастической. Карта эта снята в одном из уголков земного шара. Названия на ней тоже не придуманы: они существовали в самый момент съемки. Определите, что за страна перед вами, где она лежит, чем замечательна?

Кто? с кем? когда?

На этой карте двенадцатью кружками отмечены места двенадцати знаменитых морских битв. Определите, какой битве какой кружок соответствует; кто с кем и когда в этом месте сражался.

СОДЕРЖАНИЕ

Победа будет за нами. На 2-й странице обложки.		Храни военную тайну	27
Р. СТИЙЕНСКИЙ. Сталин с нами — и победа с нами. Стихи. Перевод с сербского <i>А. Тарковского</i>	1	Боевые эпизоды:	
Из героического прошлого нашей родины:		Шестнадцать отважных. <i>Рис. И. Королева</i> . .	29
М. ЛЮШКОВСКИЙ. На льду Чудского озера. Разгром Фридриха II	2	Н. ТИХОНОВ. Народные ополченцы. Стихи .	30
ДЖАМБУЛ. В час, когда зовет Сталин. Стихи	8	Зенитчики. <i>Рис. В. Тамби</i>	31
Л. УСПЕНСКИЙ. Брусилловский прорыв. <i>Рис. С. Мочалова.</i>	9	А. ТРИПОЛЬСКИЙ. Бой с самолетами. <i>Рис. В. Тамби</i>	32
А. ГИТОВИЧ и В. ЛИФШИЦ. Война, товарищи, война! Стихи	13	Н. ГРИГОРЬЕВ. Всем, чем можешь, помогай стране	35
Ю. ИНГЕ. Море. Стихи	14	На фронтах Отечественной войны	37
БЕЛЛА БАЛАШ. Фарл, где ты? Рассказ. Перевод с немецкого <i>Н. Фридланд.</i> <i>Рис. К. Рудакова.</i>	15	В. БЕЛЯЕВ. Да, это звери!	38
А. ГИТОВИЧ и В. ЛИФШИЦ. Песня Максима	26	Л. ПАНТЕЛЕЕВ. Случай на Волге. Рассказ. <i>Рис. И. Королева</i>	43
		Знаешь ли ты, что	45
		В. ЛЕБЕДЕВ. Наши пули — труд в тылу	46

На обложке рисунок *В. Лебедева* „Смерть врагу!“

На четвертой странице обложки рисунок *В. Власова, Т. Певзнера и Т. Шишмаревой* „Раздавим фашистскую гадину!“

АДРЕС РЕДАКЦИИ: ЛЕНИНГРАД, УЛ. БРОДСКОГО, 2, ТЕЛ. 456-00
Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакционная коллегия: **М. Е. Адрианова, В. П. Беляев, А. М. Гольдин, В. А. Каверин, Н. Ф. Лашин, Я. И. Перельман, Л. С. Савельев, Ю. А. Эшман.**
Ответственный редактор **Ю. А. Эшман.**

Подписано в печать 5/VIII-1941 г. 6 печ. лист. В печ. лист. 25.000 тип. зн. Заказ № 1276. М 54264. Авт. л. 5,25. Тираж 50.000 экз.
Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.

О ГЕРОИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ РУССКОГО НАРОДА С ЧУЖЕЗЕМНЫМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Мы переживаем грозные дни войны. Враг, сильный и злобный, предательски напал на нашу страну, посягнул на наши земли, на нашу свободную и счастливую жизнь.

Но мы сумеем дать отпор зарвавшемуся хищнику. Порукой этому — храбрость и мужество, сила и бесстрашие наших бойцов, а, главное, беззаветная преданность и любовь всего советского народа к своей замечательной родине.

Не раз подымался весь русский народ отстаивать свою страну, не раз находил он в себе силы одолеть и изгнать бесчисленных врагов, как бы коварны они ни были.

Так было и семьсот лет тому назад, когда ливонские псы-рыцари пытались захватить русские города и села, поработить их жителей.

Так более трехсот лет назад поднялся весь народ на борьбу с интервентами — польскими панами — и прогнал захватчиков, зарившихся на нашу страну и ее богатства.

Так, в войнах со шведами, овладевшими нашей землей, непрерывно угрожавшими нашей стране, крепла и закалялась военная мощь русского народа.

Так, в 1812 году весь русский народ ополчился на врага, посмеявшегося вторгнуться в нашу страну. И огромная армия французов, завоевавшая всю Европу, была разбита, уничтожена русским народом.

Так, наконец, во время гражданской войны советские люди отбросили хорошо вооруженных интервентов и очистили нашу страну от чужеземных захватчиков.

Так, во все времена люди, преданные своей родине, сражавшиеся за свою независимость и свободу, всегда побеждали.

И они будут побеждать, ибо борются они за правое дело!

Об этих славных победах, об этой героической борьбе написано много книг, а среди них немало и детских.

О Ледовом побоище, о борьбе русских в тринадцатом веке с немецкими захватчиками псами-рыцарями вы узнаете из небольшой книги С. Глязера „Ледовое побоище“ (1938 г.). В ней описано знаменитое сражение, которое закончилось позорным поражением немцев-крестоносцев.

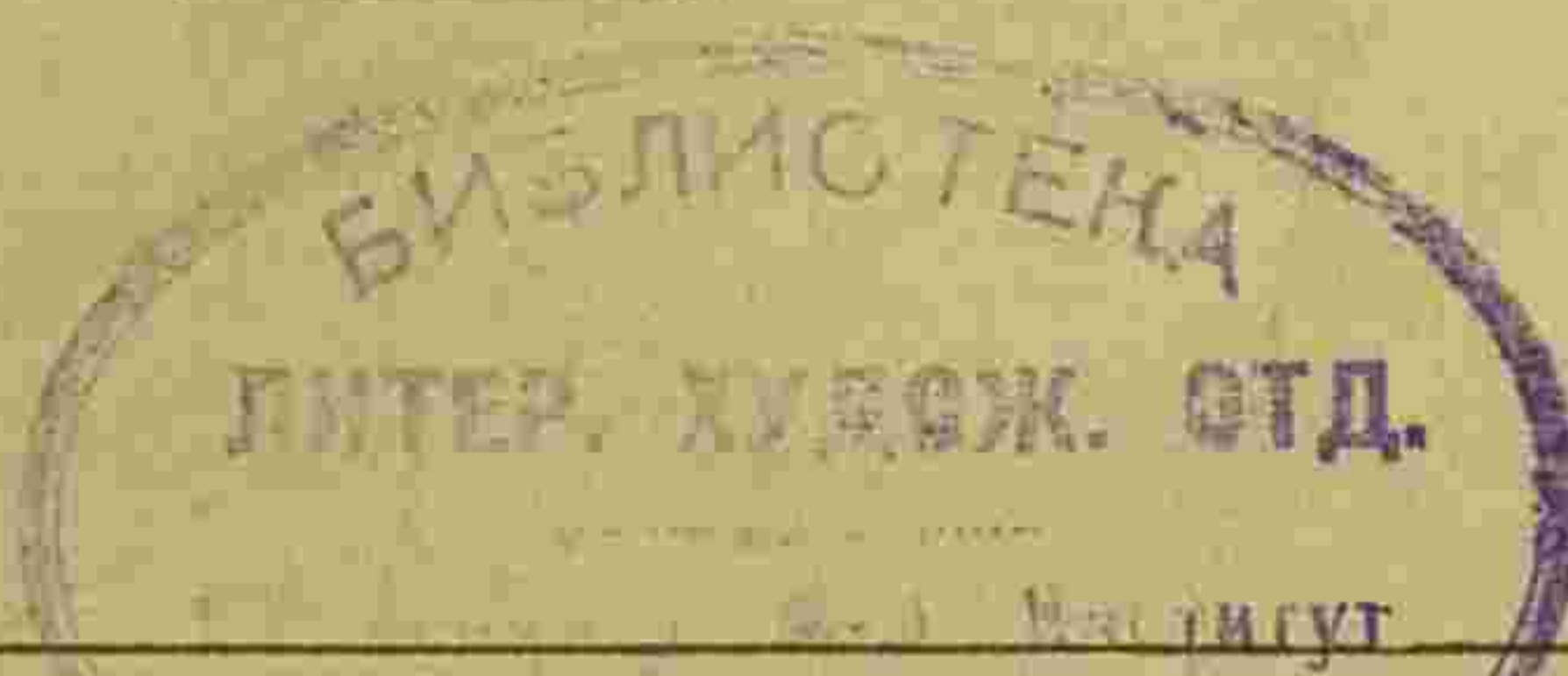
О том, как в 1612 году русское народное ополчение освободило Москву и изгнало интервентов — поляков, рассказывается в книге В. Костылева „Минин и Пожарский“ (1940 г.).

О борьбе русских со шведами за балтийское побережье говорится в книгах, выпущенных в 1939 году, „Битва при Гангуте“ О. Ровинского и Н. Дмитриева и „Полтава“ Г. Шторма.

О великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове, чьи заветы чтит наша Красная армия и который своими победами вписал не одну замечательную главу в русскую военную историю, можно прочесть большую и интересную книгу писателя С. Григорьева „Александр Суворов“. В ней описана жизнь не знавшего поражений воина, его походы и сражения, которые принесли славу нашей родине.

Об Отечественной войне 1812 года, о мужестве и героизме защитников родины, боровшихся с завоевателем всей Европы Наполеоном и его полчищами, написано несколько книг для детей: „Двенадцатый год“ С. Григорьева (1941 г.), большая и серьезная книга академика Е. Тарле „Нашествие Наполеона на Россию“ (1940 г.) и „Бородино“ В. Глинки, печатавшееся в „Костре“ в №№ 7-8, 9 и 10 за 1940 год.

В интересном романе Г. Караева и Л. Успенского „Пулковский меридиан“ (1939 г.) повествуется о более близких нам событиях — с днях героической защиты Петрограда в 1919 году, о разгроме белогвардейских банд Юденича.

Вперед,
танкист!

1р. 60к.

П 29

Вперед,
боец!

41

Чтоб
в собственной
крови

Враг
захлебнулся
наконец, —

Дави
его,
дави!

1948 г.
№ 2/14

